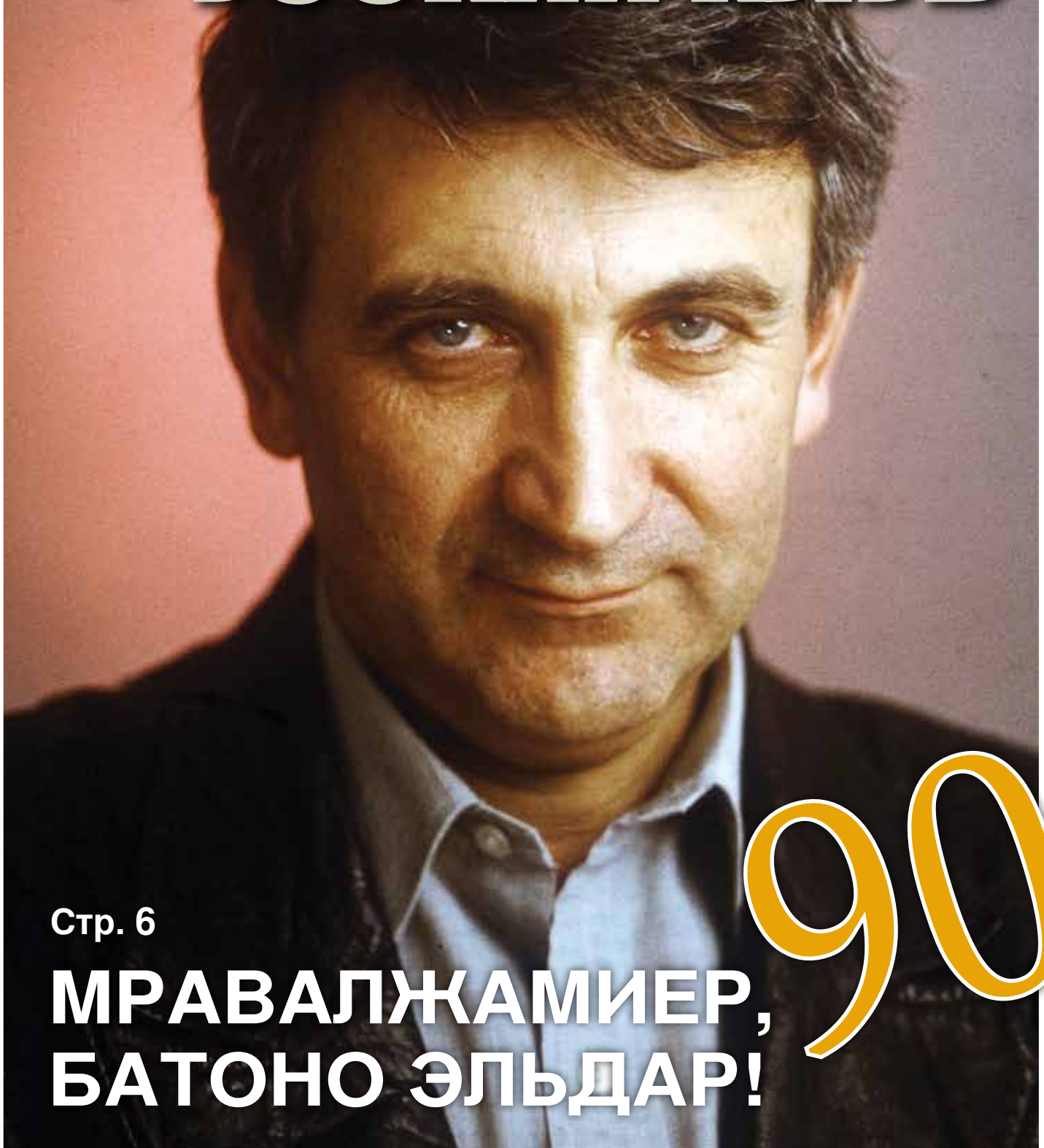

რ

№1
Январь 2023

РУССКИЙ КЛУБ

Стр. 6

**МРАВАЛЖАМИЕР,
БАТОНО ЭЛЬДАР!**

90

ПРЕМЬЕРА В ТЕАТРЕ ИМ. ГРИБОЕДОВА

Музыкальный спектакль «Подарок судьбы»

по мотивам итальянской народной сказки «Злая судьба»

Режиссер – Нина Калатоци

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
**КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ**

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№1
(207)
Январь 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 АЛИЛО
- 6 МРАВАЛЖАМИЕР, БАТОНО ЭЛЬДАР!
ИННА БЕРИДЗЕ
- 12 «В ВОЛОДЮ ВЫСОЦКОГО Я ВЛЮБИЛСЯ...»
- 15 ТАК НАЧИНАЛСЯ ГРУЗИНСКИЙ ТЕАТР
НИНЕЛЬ МЕЛКАДЗЕ
НИНА ШАДУРИ
- 20 «ПЕСНИ» И «ГРЕЗЫ» «МОСКОВСКОЙ ПРЕМЬЕРЫ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 26 ТАЙНЫ ГОРОДА-ПРИЗРАКА
ИРЕНА КЕСКЮЛЬ
- 30 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 32 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 38 РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
- 41 КРАСОТА СЛОВА
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 46 МАЛЕНЬКИЕ ХУДОЖНИКИ БОЛЬШОГО ГОРОДА
СВЕТЛАНА СИНАТАШВИЛИ
- 49 ЖЕНЩИНА В АВАНГАРДЕ ГРУЗИНСКОГО СЫРОДЕЛИЯ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 53 НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА

На обложке – **ЭЛЬДАР ШЕНГЕЛАЯ**
Фото **Юрия Мечитова**

Алило – традиционное праздничное рождественское шествие. Впереди идут дети, олицетворяющие ангелов – в белых одеждах и с венками из цветов на головах. К процессии присоединяются все желающие. Люди несут иконы, кресты и флаги.

Георгий и Эльдар Шенгелая

МРАВАЛЖАМИЕР, БАТОНО ЭЛЬДАР!

— Инна БЕРИДЗЕ

Имя кинорежиссера Эльдара Шенгелая давно вписано золотыми буквами в историю мирового кинематографа. Возможно, сегодня он мог бы купаться в заслуженной славе, жить яркими воспоминаниями и довольствоваться этим. Но тогда речь шла бы о другом человеке – не об Эльдаре Николаевиче Шенгелая, который совсем недавно выпустил премьеру фильма «Мравалжамиер», а несколько лет назад порадовал своих многочисленных поклонников на родине и за рубежом сначала картиной на животрепещущую тему межнациональных отношений «Кавказское трио», а затем – сатирической комедией абсурда «Кресло». К счастью, интернет позволяет посмотреть эту удивительную работу мастера, в которой в форме фантастического гротеска изображены социально-по-

литические реалии. Волшебное кресло в картине – емкая многозначная метафора. Этот летающий символ власти и карьерного успеха настолько сросся со своим хозяином – теперь уже бывшим министром, занимавшимся вопросами беженцев, что, с одной стороны, готов во всех случаях жизни приходить ему на помощь, с другой – становится своего рода рупором, вещающим неприятную правду о законах, царящих в мире политиков и высших чиновников. К примеру: «Царствуют дроны, а не министры!» «Где у нас правда?», «Долой полицию, да здравствует кресло!» «Так было, так есть и, наверное, так будет!» Эти хлесткие, бьющие наотмашь обличительные формулы не оставляют никаких иллюзий. Но вновь актуальны вечные ценности – семья, любовь, дружба, сострадание... Об этом

и последняя картина Эльдара Шенгелая – «Мравалжамиер».

Эльдар Шенгелая родился в красивой кинематографической семье, в семье человека «веселой смелости и бурного темперамента» (по выражению Леонида Трауберга) кинорежиссера Николая Шенгелая и кинозвезды Нато Вачнадзе. И, конечно, не мог избрать иной путь...

– Батоно Эльдар, в какой степени родители на вас повлияли?

– Отец, Николай Шенгелая, умер, когда мне было девять лет. Расскажу интересный эпизод. Он снимал картину в Кахети. Я, мама, братья Тенгиз, Георгий были там. И вот однажды утром все спали, а я почему-то поднялся, оделся и пошел туда, где работал папа... Он очень обрадовался моему появлению и

сказал: «Ты мне поможешь!» Тогда во время съемки использовались щиты из фольги, и отец попросил меня помочь: «Вот стоит актер, ты будешь этот щит держать, не шевелись, пока не кончим снимать». А когда закончилась съемка, он сказал: «У тебя есть теперь кинопрофессия осветителя!» Но мама, актриса Нато Вачнадзе, не хотела, чтобы я шел в кино. Поэтому сначала я поступил в ГПИ, а потом понял, что это не мое дело, и забрал документы. Пришел к маме и объявил, что хочу стать режиссером. Тогда был период, когда привозили трофейные картины и снимали очень мало фильмов. «Грузия-фильм» выпускала одну картину в год. Поэтому мама сказала: «Ты будешь безработный!» Но я все-таки настаивал на своем. Тогда она предложила: «Вот есть такой известный театральный режиссер Додо Алексидзе, пускай он решит, можешь ты быть режиссером или нет!» Я пошел к Алексидзе, он меня очень тепло принял. Мы с ним делали этюды и т.д. Мама была убеждена, что Додо скажет: ты не можешь быть режиссером. Но он высказал иное мнение: «Обязательно повези Эльдара в Москву, из него получится хороший режиссер!»

– **Расскажите, пожалуйста, о годах учебы во ВГИКе. Наверняка это было интереснейшее время!**

– Когда я поступал во ВГИК, со мной была моя мама. В Москве мы остановились у родственника отца Пааты Твалтвадзе. Когда я шел сдавать вступительный экзамен, то предупредил маму: «Если ты придешь туда, я сразу уйду!» Но она меня не послушалась. Я пришел на экзамен рано утром, но до вечера так и не прошел испытание. Какой-то мальчик сказал мне, что внизу стоит женщина и просит меня выйти. Я увидел маму и спросил ее: «Что мне делать?» «Ты голоден! – сказала она. – Поедем на Белорусский вокзал, покушаем!» На троллейбусе мы отправились на Белорусский вокзал и там зашли в небольшое кафе. Нам принесли какую-то еду и рюмку водки. Сначала я очень этому

удивился, а потом вспомнил, что когда мы обедали дома, мама всегда давала нам немного красного вина. В кафе она сказала мне: «Ты поешь, выпьешь и хорошо сдашь экзамен». И действительно, я поступил! С однокурсниками у меня сложились добрые отношения. Леша Сахаров рассказал, что учился в тбилисской русской школе, и поприветствовал меня: «Гамарджоба!» Мы стали с ним ближайшими друзьями. Жили в одной комнате, вместе завтракали, ходили на лекции, никогда не разлучались. С нашей группой работал замечательный педагог Сергей Скворцов, но у нас не было профессора. И мы обратились за советом к режиссеру, сценаристу Мери Анджапаридзе – сестре актрисы Верико Анджапаридзе, матери Ги Данелия. Она произнесла фамилию: Юткевич. Позвонила ему, и мы пошли к Сергею Иосифовичу домой. Юткевич сказал, что с удовольствием стал бы руководителем нашего курса, но он «пал» жертвой борьбы с так называемыми космополитами и вынужден был уйти из ВГИКа. Тогда мы обратились со своей идеей к ректору Александру Грошеву – он нам отказал, а мы в ответ пригрозили, что всей группой уйдем из института.

Наша угроза смутила ректора, и Юткевич был назначен профессором нашего курса. Сергей Иосифович сыграл в нашем воспитании особую роль. Мы ставили на учебной сцене классику, например, «Дон-Кихота» Сервантеса. В одной из постановок выступил будущий кинорежиссер и сценарист Тамаз Мелиава, он играл так хорошо, что спектакль показали десять раз! В Доме кино, который раньше располагался в здании гостиницы «Советская», мы с Лешей Сахаровым выпустили шекспировского «Ричарда III», в заглавной роли был наш однокурсник Александр Курочкин. Мы показали спектакль два раза, на второй день чуть ли не все театральные институты пришли посмотреть нашу работу, это был большой успех! Когда настало время делать диплом, Юткевич вызвал нас с Лешей к себе и дал сценарий, предупредив, что на «Мосфильме» его не берут, причем даже вторые режиссеры. «Но если вы режиссеры, – добавил он, – то должны это снять!» Мы с Лешей отправились в общежитие, посмотрели сценарий, подумали и на второй день пошли к Юткевичу с отказом: «Ничего не получится!» – «Значит, вы не режиссеры!» Таков был его вердикт.

С Марчелло Масторянни

И все-таки мы решились взяться за этот сценарий и сняли фильм под названием «Легенда о ледяном сердце», мы делали его в Киргизии, а когда съемки завершились, получили с Лешей дипломы режиссеров. А потом сняли вместе «Снежную сказку», в которой свою первую роль сыграл Евгений Леонов. На худсовете нам сказали, что это... «Синяя птица»! Но через два дня нас вызвал к себе директор Андрей Флоров и сказал, что фильм не получился – не понравился «на дачах». Несмотря на это, нам выдали небольшие деньги, на которые мы устроили банкет для группы. Тогда у нас с моей первой женой, актрисой Ариадной Шенгелая, уже родилась дочь Наташа, и я купил... детский горшок, чему Ариадна очень обрадовалась.

– Читала, что «на дачах» не понравился образ, созданный Леоновым, он напомнил Никиту Хрущева.

– Совершенно верно! Образ дополняла и шляпа... Но мы ничего такого не вкладывали!

– Жаль, что с Сахаровым вы больше не сняли совместных

картин. Почему вы вернулись в Тбилиси, а не продолжили работать на «Мосфильме»?

– Когда мы с Лешей закончили «Сказку», то загорелись идеей снять гоголевский «Нос». Воспрепятствовал руководитель нашего объединения режиссер Иван Пырьев. Когда мы представили свой замысел, он стал кричать: «Какой Гоголь?! Вы будете снимать только современные картины!» В тот момент я понял, что не могу остаться на «Мосфильме». Пошел в канцелярию и попросил свои документы. Мне сказали: «Вы что, сумасшедший? Все мечтают попасть на «Мосфильм»! Приходите через неделю!» Через неделю я пришел снова и повторил, что не хочу работать на «Мосфильме». Документы мне в конце концов отдали. В Тбилиси я вернулся поездом. А на второй день пошел на студию «Грузия-фильм», куда сторож поначалу меня не впустил. К счастью, появился режиссер Шота Манагадзе и устыдил сторожа: «Ты знаешь, кто это? Сын Наташи и Коли!» На киностудии все мне очень обрадовались, Сико Долидзе, Лео Эсакиа и другие режиссеры старшего

поколения горячо меня приветствовали, обнимали. Я им показал «Снежную сказку». Кому-то фильм понравился, кому-то – нет. Но Сико сказал: «Главное, что фамилия Шенгелая вернулась в кино!» По возвращении в Тбилиси мы с Тамазом Мелиава сняли драму «Белый караван», в которой главную роль сыграла Ара Шенгелая. Работали над фильмом три года, ведь для того, чтобы снять отару овец, приходилось тратить целый день... Настал такой момент, когда мы уже заканчивали работу над картиной, а нам не хватало около миллиона советских рублей. В это время в Тбилиси приехал председатель Госкомитета кинематографии. Директор киностудии «Грузия-фильм», замечательный человек Михаил Квеселава показал ему отрывки нашего будущего фильма и сказал, что для его завершения не хватает миллиона рублей. Гость тут же взял трубку, позвонил, вскоре нужная сумма была перечислена, и мы наконец закончили картину. «Белый караван» показали в Каннах, фильм был номинирован на приз. Мы его не получили, но номинация сама по себе уже была значимым фактом.

– А потом зрители увидели «Необыкновенную выставку». Как родился замысел картины?

– Был такой замечательный режиссер Леонид Трауберг, и когда я сказал ему, что в Тбилиси не нашел хорошего сценария, он порекомендовал мне Резо Габриадзе. В Москве мы с ним встретились. Сценарий – это обычно 70-80-90 страниц, не более. А у Габриадзе было 300! Вместе с Резо мы постепенно сократили сценарий и в итоге сняли «Необыкновенную выставку». Когда я начинал фильм, в Тбилиси приехал Гия Данелия, с которым я подружился еще в Москве. Он сказал, что собирается снимать «Не горюй», и я посоветовал ему в качестве автора сценария Резо Габриадзе, а в качестве композитора – Гию Канчели. И на второй день познакомил Данелия с обоими. В итоге они сняли великий фильм. А я, в свою очередь, завершил

В киноклубе «Эльдар»

«Необыкновенную выставку». Потом мы с Резо Габриадзе собирались снять фильм о первых грузинских летчиках. Но как обычно бывает в искусстве? Первичная идея претерпела изменения, и мы сделали притчу под названием «Чудаки». Снимали довольно долго. Самым сложным было изготовить воздушный агрегат. В Тбилиси с этим не справились, и мы полетели в Москву. Маршал авиации Владимир Судец, с которым я был знаком, позвонил куда следует, в итоге мы оказались в двухэтажном здании, сели в лифт, который опустил нас вниз на десять этажей. Навстречу вышел конструктор Наиль Саттаров. Когда мы показали ему рисунки Резо, он начал смеяться. Потом сказал: «Идите, через шесть дней все будет готово!» Действительно, скелет, основа вскоре была изготовлена, нам предоставили военный самолет, и мы вернулись в Тбилиси, а через месяц превратили «скелет» в то, что летает в фильме «Чудаки». После этого поехали в Имерети, и определенную часть картины сняли там. А послед-

нюю – в Кахети. Там был аэродром, где находились генералы и полковники, и один из них усомнился в летных возможностях нашего аппарата: «Он не полетит!» «Давайте посмотрим!» – предложил я. Привязали наше детище к вертолету, и оно... полетело. «Боже мой, да он летит!» – искренне удивился военный. Я режиссер, но мне пришлось на этой картине поработать и оператором. Потому что наш оператор Гено Чирадзе снимал с одного ракурса, а я висел и снимал сверху. Наконец съемки закончились, и фильм был очень хорошо принят. Вдруг приходит известие, что «Чудаков» просит Тегеранский кинофестиваль. Я полетел в Москву, а затем с переводчиком отправился в Тегеран. Картину показали супруге шаха. Стоя на сцене перед показом, я увидел, что в зале летают светлячки. Уже потом понял: это сверкают бриллианты шахини!.. Завершился фильм, и меня повели к ней, а за мной поспешил посол: «Разрешите пойти с вами!» – «Пожалуйста!» – сказал я. Через переводчика шахиня выразила свое

впечатление – картина ей очень понравилась. На второй день я улетал... В Тегеране жил в гостинице «Интерконтиненталь» и имел право вместе с сотрудниками посольства посещать рестораны и кафе. И вот перед отъездом вижу счет в 2000 долларов, а у меня в кармане 50! Всю ночь не сомкнул глаз. На другой день приходит человек, который должен был меня проводить. Я его спрашиваю, что мне делать. «Ничего, – успокоил он, – вы еще можете покушать!» В итоге, получив на фестивале приз за режиссуру, я вернулся в Тбилиси.

– Огромный успех сопутствовал и вашей комедии «Голубые горы, или Неправдоподобная история». Эта едкая сатира на окружающую реальность была невероятно смелой для своего времени – накануне перестройки.

– Я делал картину вместе с писателем Резо Чейшвили. Перед этим мы с ним работали над фильмом «Мачеха Саманишвили», Резо также был автором сценария. И вот однажды

Кадр из фильма «Кресло»

он принес мне свой маленький рассказ. «Наверное, ничего из этого не получится!» – сказал он. Я прочел и сказал: «Нет, получится!» И когда закончили «Саманишвили», приступили к работе над новой картиной. Съёмки продолжались шесть-семь месяцев. Представили материал в Москву. Председателем Госкомитета по кинематографии был Алексей Романов. Он прочел и сказал, что это антисоветский сценарий. И все-таки мы сняли картину, но она оказалась под запретом. Однажды первый президент СССР Михаил Горбачев прилетел в Пицунду и захотел посмотреть грузинские фильмы. Там же был и Эдуард Шеварднадзе. Посмотрев «Голубые горы», Горбачев сказал ему: «Если мы что-то не сделаем, над нами тоже обвалится потолок, наша страна развалится!» Как это и происходит в фильме. Вскоре я полетел в Москву и сообщил Романову: «А Горбачеву понравилось!» – «Откуда ты знаешь?» – «Знаю!» «Голубые горы» должны были представить в конкурсной программе Каннского фестиваля в 1985 году, но не разрешили.

В итоге фильм был показан в Каннах в рамках недели режиссеров. Причем ранним утром, в девять часов. Было очень мало народу, но в прессе написали: «Это Кафка! Это Гоголь!» На второй день картину показали большому количеству зрителей, и был невероятный успех.

– Две ваши картины – «Белый караван» и «Голубые горы» – обладают статусом «Канн классик». Это означает, что вы признанный классик мирового кинематографа... Вспомним еще одну вашу работу – фильм «Экспресс-информация», отмеченный призами на родине и за рубежом.

– Картину я снимал в очень тяжелые для Грузии времена. Гражданская война... С Резо Чейшвили мы написали сценарий. Композиторы – Джансуг и Вато Кахидзе. Показали фильм в программе «Панорама» Берлинского кинофестиваля. Он был принят очень хорошо. Потом с «Экспресс-информацией» я прилетел в небольшой шведский город. Меня поселили в гостиницу и сообщили, что картина будет показана в 9 часов

вечера. Думал, что на таком позднем киносеансе никого не будет. Однако зал был полон! А когда закончился фильм, раздались аплодисменты!.. Но я не вполне удовлетворен этой работой. Фильм был снят очень быстро – как отклик на политические события.

– Сравнительно недавно зрители увидели очередной ваш шедевр – фильм «Кресло».

– После долгого перерыва я написал сценарий фильма «Кресло» – вновь подтолкнула политика. Картину показали в Тбилиси, и большинству зрителей она понравилась. А потом мы с женой и продюсером картины Нелли Шенгелая отправились на 39-й Московский международный кинофестиваль – «Кресло» было показано во внеконкурсной программе «Мастера». Премьера картины прошла и в клубе «Эльдар».

– А на 31-й церемонии вручения престижной кинопремии «Ника» картина «Кресло» победила в номинации «лучший фильм стран СНГ, Грузии и Балтии». Она снята, как и «Голубые горы», в жанре сатирической комедии, и в каком-то смысле является его продолжением. Даже финал похож: в фильме «Кресло» тоже рушится дом, из которого изгнан бывший министр: все мнимые ценности, человеческие грехи, пороки – властолюбие, корыстолюбие, зависть – все должно быть погребено под обломками, стерто с лица земли...

– Возможно, возможно...

– Прочитала информацию о том, что кинокритик Кирилл Разлогов, представляя внеконкурсную картину «Кресло», сказал, что начинал смотреть фильм со страхом, и он улетучился через 15 минут, когда стало ясно, что все, чем когда-то был славен и Шенгелая, и грузинское кино, живо... Скажите, пожалуйста, какие фильмы оказали на вас влияние, заставили полюбить кино и посвятить ему свою жизнь?

– Самое большое впечатле-

ние на меня производил и производит Чарли Чаплин. Мир не знает больше такого мастера, творца, который был бы и актер, и режиссер, и писатель, и композитор. Мы ведь все, как правило, приглашаем композитора, сценариста и т.д. Такого уникального явления, как Чаплин, мир не знает!

– **И он в чем-то повлиял на стилистику ваших картин...**

– Может быть, может быть...

– **А современный кинематограф? Что в последние годы произвело на вас впечатление?**

– Феллини... Великий Феллини. «Восемь с половиной», «Сладкая жизнь»...

– **Но это же не современный кинематограф.**

– Для меня это всегда современно.

– **Недавно состоялась премьера киноальманаха, состоящего из трех ваших короткометражных фильмов, объединенных названием**

«**Мравалжамиер**» – «**Колодец**», «**Песня**», «**Птицы**»...

– Это фильм о любви, дружбе, добре...

– Готов сборник всех фильмов Эльдара, – вступает в беседу муза режиссера, киновед *Нелли Шенгелая*. – С рисунками Резо Габриадзе. В сборник включены также шедевр Николая Шенгелая «Элисо», документальное кино Нато Вачнадзе.

– **Эльдар Николаевич, каким своим фильмом особенно дорожите?**

– Трудно сказать, поскольку все свои фильмы люблю. Наверное, «Голубые горы». В конце января, к юбилею, в Лондоне, Берлине, Лиссабоне пройдет ретроспектива моих картин.

– **Ваши отношения с российскими деятелями культуры сохранились?**

– К сожалению, большинства моих российских друзей уже нет в живых. Ушли Гия Дanelия, Эльдар Рязанов, Сергей Соловьев. Хорошие отношения связывают меня с Андроном

Кончаловским, Андреем Смирновым, Романом Балаяном.

– **Поговорим о свободе творчества, если позволите...**

– Полной свободы, естественно, не было... Но кинематографисты, как это ни странно, все-таки обладали большей свободой. Добились этого! Конечно, бывали случаи, что картины запрещали. Но в принципе проблем с деньгами мы не ощущали. А сейчас я живу, казалось бы, в свободной стране, но все время стоит проблема с деньгами. Кстати, «Чудаки» – картина о свободе. Хотя была воспринята как сказка. На остальное просто закрыли глаза...

– **Что вы думаете о современном грузинском кино?**

– Не очень в курсе, но вот Дито Цинцадзе, на мой взгляд, замечательный режиссер, сильно выделяется среди всех, он был, кстати, моим учеником. Недавно на Тбилисском международном кинофестивале показали два его фильма, имевшие большой и заслуженный успех....

«В ВОЛОДЮ ВЫСОЦКОГО Я ВЛЮБИЛСЯ...»

**25 января исполняется 85 лет со дня
рождения Владимира Высоцкого**

1966 год для Грузии оказался богатым на знаковые события.

В республике торжественно отмечается 800-летие Шота Руставели.

В Тбилиси открылось метро (четвертое в Советском Союзе после московского, питерского и киевского).

Первый раз в Грузию на поезде «Москва-Тбилиси» прибывает Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев. Он награжда-

ет республику орденом Ленина (вторым по счету) «за успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве».

И, наконец, с 24 июня по 17 июля здесь гастролирует Театр на Таганке. Это были первые гастроли театра за пределами России.

Вместе с труппой в поездку отправилась и Людмила Абрамова, вторая супруга Высоцкого. «В какой-то мере Тбилиси –

это было открытие, – вспоминала Людмила Владимировна. – Мы поняли, что это город высочайшей культуры. Я не побоюсь сказать, что Володя был там просто счастлив... Мы довольно долго ездили по окрестностям Тбилиси. Тогда-то мы и открыли для себя и Тбилиси, и грузинскую культуру. К нашему стыду, мы с Володией думали, что все лучшее из Грузии учится в московских институтах».

В Тбилиси «Таганка» играла

в Театре музыкальной комедии имени В. Абашидзе и в Летнем театре Грузинской государственной филармонии. Столичные театралы увидели Высоцкого в спектаклях «Десять дней, которые потрясли мир», «Добрый человек из Сезуана» и «Антимиры».

Юрий Любимов и группа актеров «Таганки» пришли в гости в редакции газет «Вечерний Тбилиси» и «Заря Востока», где Высоцкий спел несколько своих песен.

А еще тбилисские гастроли озаглавились случаем, который ныне широко известен под названием «Как Высоцкий чуть не утонул в Куры».

Обратимся к дневникам Валерия Золотухина: «6 июля были в гостях в загородном доме у Медеи. Высоцкий и Епифанцев чуть не утонули в Куры. Не могли спуститься по скалам. Высота уверяет, что видел рядом змею. Место изумительное, слева гора, под горой двухэтажный каменный дом, сад спускается к Куры».

Об этом случае спустя десятилетия Людмила Абрамова рассказала на вечере памяти актера Георгия Епифанцева: «У главного режиссера «Таганки» Ю. Любимова в Тбилиси были друзья, на дачу к которым он однажды отправился в гости в компании нескольких актеров театра. Среди них были и Высоцкий с Епифанцевым. На берегу Куры шло настоящее грузинское застолье, которое, однако, мало интересовало Высоцкого – он в тот момент спиртное не употреблял. Когда ему надоело сидеть за столом и смотреть на пьющих, он отправился к реке, разделся и поплыл. Течение Куры очень быстрое, вода ледяная, и Высоцкий, хоть и был отличным пловцом, не рассчитал свои силы – стало сводить ноги. Епифанцев, почувствовав неладное, прыгнул в воду, настиг Высоцкого, когда того уже почти оставили силы, и сумел вытащить его на берег».

Красивая история, но, как мы теперь знаем, есть и другая версия этой же самой истории.

Начнем с того, что Медея – это знаменитая Медея Валерьяновна Джапаридзе, Народная артистка Грузии. Дело было в местечке Армази около Мцхеты, на даче, которая принадлежала Медее Джапаридзе и ее супругу, выдающемуся драматургу и писателю Ревазу (Резо) Табукашвили, чьим именем названа сейчас улица в центре Тбилиси.

О том, что именно произошло в тот день в Армази, и не только об этом, рассказал сын Медеи и Резо, известный драматург Лаша Табукашвили.

– Дачная история 1966-го года и правда интересная. Это был первый визит Театра на Таганке в Грузию. Гастроли были изумительные. Мы потом часто об этом вспоминали... К нам в гости пришли Любимов, Золотухин, его тогдашняя жена Шацкая, Епифанцев... Мы просто пообедали, никто не пил, потому что вечером был спектакль. Многие слышали об этой истории, и почему-то сложилось мнение, что все там напилье. Нет, среди нас не было ни одного выпившего. В нашем доме была историческая стена – с автографами Тарковского, Данелия, Евтушенко, Вознесенского... Даже помню экспромт Вознесенского: «Милый Лаша, все – лажа, все – мрази, кроме Армази». Расписался на ней и Высоцкий. Эту стену потом просто смыло дождем. Но фотография автографа сохранилась. Володя тогда был как бы дворовый московский пацан. Молодой, чудесный, сразу же располага-

ющий к себе. Он очень привлек меня. Знаете, так бывает, когда тянешься к старшему другу. Невысокий спортивный паренек с великолепным шармом. Он казался мне очень взрослым и очень добрым. Ему было 28 лет. Мы не знали, что он поет. Вообще не знали, кто он такой. Знали, что актер Театра на Таганке, и все. Когда он попросил гитару, гитары не нашлось... Наш домик стоял прямо у Куры. И отец предупредил, что в Куру входить не надо, потому что течение очень сильное, водовороты, воронки очень опасные. Но Высоцкий с Епифанцевым все равно вошли в воду, переплыли Куру и начали карабкаться в гору. Понимаете, Епифанцев все хвастался, что он известный скалолаз, Володя с ним поспорил, и вот они переплыли Куру и полезли в гору. Както быстро все произошло. Мы смотрели на них с этой стороны Куры. И вдруг видим: Высоцкий и Епифанцев машут руками, ногами, совершают какие-то немыслимые телодвижения, чуть ли не скатываются с горы и с размаху плюхаются в воду. Мы не поняли, что произошло. А тем временем

течение их понесло. Кто-то при-
тащил веревку, папа раздевает-
ся, мама призывает нас спасать
гостей. А течение такое быстрое,
что пока мы до них доберемся,
их унесет в Тбилиси. И тут проис-
ходит сцена, которую я визуаль-
но отчетливо помню по сей день. Их
несет течение, они кроют страш-
ным матом всю флору и фауну
Грузии, и тут ялтинский альпин-
истский опыт Епифанцева при-
годился. Он зацепился за валун,
укрепился, как-то ногой подцепил
Володю, поднял в воздух и до-
тащил до себя... Тут и мы подо-
спели с веревками и выволокли
их на берег.

Оказывается, вот что произо-
шло: на том берегу Куры на них
напали осы и страшно искуса-
ли. Спасаясь от ос, они и сиганули
в воду. Вот мы их и вытащили
из воды — голых, искусанных и
присмиривших. Так они покора-
ли Кавказ... Вы знаете, я тогда
пацан был, в 10-й класс перехо-
дил. Смотрел на этих людей без
идолопоклонства — кого я только
не встречал в нашем доме! Но в

Володю я влюбился. Влюбился,
как в старшего брата. Я бы гор-
дился таким братом.

Я не знал о нем ничего, но по-
чувствовал его. Даже когда он
молчал, не знаю, что это было —
магнетизм или обаяние, но оно
было в нем такой мощи! Он был
очень умен и проницателен.

И вообще — я так его понимаю
во многих вещах... Почему ум-
ный человек мог встать на путь
саможжения? Это, конечно,
можно объяснить. Но про Воло-
дю я не посмею говорить. Ведь
мы многого не знаем. Часто про
него пишут нечестно. Иногда
пишут честно, но глупо. Я читал
воспоминания его сына о том,
как ему понадобилась помощь
отца при поступлении в институт,
а тот помочь не смог. Сын про-
сто не понимал, что у Высоцкого
были ломки. А в такой момент
человек уничтожен. Не то что бе-
гать и устраивать сына, он шага
сделать не может. Почему он не
полетел к Марине, когда у нее
умерла сестра? У него просто не
было физических сил! Это страш-
ное депрессивное состояние,
когда отмирает целая часть в
мозгу, которая отвечает за энер-
гию. Отмирает центр удоволь-
ствия. Это сумасшедшее дело.
Многие стреляются. Талант-
ливые творческие люди очень
падки на искусственные возбу-
дители. Тем более, что всегда
найдется подонок, который по-
дойдет и скажет: «Не надо вина,
вот это лучше...» Кто-то из этого

вырывается. А Володя застрял.
Наверное, рядом не было лю-
дей, которые понимали бы его
состояние и могли бы ему по-
мочь. А это должны быть члены
семьи, в первую очередь. Хотя я
уверен, что друзья пытались его
спасти... Я чувствую, что вы его
любите и хотите о нем писать ис-
кренно. И я не хочу, чтобы кто-то
вас ввел в заблуждение. Нарко-
мания — это болезнь. Тяжелая
болезнь. Смертельно опасная...
Какие спектакли с участием
Высоцкого мне запомнились?
«Гамлета» видел, впечатление
было бледноватое. «Преступле-
ние и наказание» очень понра-
вилось, особенно эта дверь кро-
вавая... И финал, когда актеры
читали цитаты из школьных со-
чинений о Раскольнике. Воло-
дя читал: «И правильно сделал
Раскольников, что убил старуху.
Жаль, что попался!» А потом до-
бавлял: «Восьмой «Б» класс...»
Для меня Володя — это все-таки
Хлопуша. Я с детства знал наи-
зусть запись Есенина, дома
была пластинка. Володя не то что
подражал, но ритм взял есенин-
ский. Вообще-то чтение стихов —
что-то мистическое. Не знаю, что
в этом самое важное — ритм,
мелодия или интонация. Это ми-
стика. Володя был блестящий ак-
тер. Думаю, он был бы очень ин-
тересен в чеховских пьесах. Мо-
г бы великолепно сыграть Стэнли
Ковальского. В нем было очень
мощное мужское начало. Лю-
бимая песня? «Кони». Абсолют-
но гениальное произведение!
Абсолютно... У нас с Володей
были очень хорошие отноше-
ния. Другом я себя, естественно,
назвать не могу, у нас не было
общих приключений. Разница в
возрасте была серьезная. Вот
с Андрюшей Мироновым мы
именно дружили. Очень близкий
друг был. В нем было столько че-
ловеколюбия, таланта, обаяния.
Хотя талант — это и есть обаяние.
Он не был нараспашку, как Во-
лодя. У него были свои комплек-
сы. Внешне как будто наоборот:
Володя — суровый, Андрюша —
шампанское. Нет, совсем нет.
Андрей Миронов был очень пе-
чальный и грустный человек.
А Володя Высоцкий — легкий и
очень открытый...

*По материалам книги
«Высоцкий в Грузии»,
издательство «Либрика»*

ТАК НАЧИНАЛСЯ ГРУЗИНСКИЙ ТЕАТР

Нинель МЕЛКАДЗЕ
Нина ШАДУРИ

14 января в Грузии ежегодно отмечают не только всеми любимый Старый Новый год, но и не менее замечательный праздник – День грузинского театра. Именно в этот день, в 1850 году, в Тифлисской гимназии была представлена пьеса основателя профессионального грузинского театра в Тифлисе Георгия Эристави – «Раздел».

История грузинского театра уходит своими корнями в далекое прошлое.

Уже в VIII до н.э. на арене близ нынешнего Кутаиси давали театрализованные зрелища, а в древнем пещерном городе Уплисцихе сохранилось высеченное в скале театральное помещение (IV в. до н.э.) – со сценой, рядами для хора и зрительскими местами.

В 30-е годы IV века, после принятия страной христианства, возникает церковный театр – во время литургии переодетые священнослужители разыгрывали небольшие сцены из жизни Христа и святых. Параллельно продолжает развиваться и народное театральное искусство: Берикаоба – народный импровизационный театр масок, а позднее – Кееноба, праздничные карнавальные представления.

В конце XVII – начале XVIII вв., во времена Теймураза I и Арчила II, появляется придворный театр, в котором уже заметную роль играет драматическая составляющая.

Со второй половины XVIII века театр прочно вошел в повседневный быт дворянства. В Телави, который в тот период стал одним из важнейших социально-политических, экономических и культурных центров Грузии, впервые были осуществлены полноценные театральные представления на грузинском языке.

В 1758 году Ираклий II открывает в Телави философско-теологическую школу. В учебную программу входила, в том числе, и теория драмы. Закономерно, что учащиеся пробовали свои силы в написании пьес и постановке спектаклей. Первое пред-

ставление состоялось в 1761 году, который и считается годом возникновения телавского Школьного театра, а по спорному мнению некоторых театроведов – и первого профессионального театра в Грузии.

Нескольких перспективных юношей царь отправил на обучение в Россию. В их числе были Давид Батонишвили, Эраст Туркестанашвили, Иванэ Орбелиани, а также Габриэл Арешашвили, получивший известность как Габриэл (Гавриил) майор (фамилия Арешашвили была ему пожалована царем после возвращения в Грузию). Эти талантливые молодые люди, вернувшись из России, перевели и поставили лучшие пьесы выдающегося драматурга Александра Сумарокова, а актерами в их спектаклях стали грузинские царевичи и дворяне. Кроме того, они создали несколько театров разного типа – как в Телави, так и в Тифлисе. К примеру, в конце 80-х – начале 90-х гг. XVIII века параллельно существовали театр Габриэла майора и Георгия Авалишвили.

Историк Николай Бердзенов писал в газете «Кавказ» в 1858 году: «...лучшим доказательством расположения тогдашней грузинской аристократии к наслаждениям этого рода служит то, что еще при Царе Ираклии II была попытка завести в Тифлисе сценические представления. Некто Гавриил, армянин по происхождению, посетивший Россию вместе с посольством кн. Андроникова и возвратившийся на родину в чине майора, устроил было по близости дворца театр и раздавал билеты с надписью, состоявшей из двустихья, в котором упоминалось имя майора и цена билета – два шаура (т.е. два пятака): «შაური ორი ვაჭრიელ მაიორი» («Шаури ори Габриэл маиори»). Любопытные эти подробности мы слышали от почтеннейшего тифлисского старожилы и знатока грузинской старины, князя Александра Вахтанговича Джамбакуриан-Орбелиани, который рассказывал нам со слов дочери Ираклия II».

Первый национальный грузинский театр при дворе Ираклия II создал Георгий Авалишвили – дипломат, путешественник, драматург и переводчик. Основоположник новой грузинской драматургии, он в 1791 году написал оригинальную

Г. Коррадини. Сцена из комедии «Раздел»

Юбилейная афиша ко дню основания грузинского театра

пьесе «Царь Теймураз», в 1794-м перевел пьесы Сумарокова «Рогоносец по воображению», «Мать – совместница дочери» и «Вздорница». Добавим, что всего Авалишвили перевел на грузинский язык более тридцати различных по жанру сочинений русских и европейских писателей – Державина, Ломоносова, Хераскова, Вольтера, Флориана, Эразма Роттердамского, Мильтона и др. (иностранных авторов он переводил с русского).

В тот же период Петр Кебадзе – книжник, переводчик, каллиграф, корректор Московской Синодальной типографии, перевел трагедию Сумарокова «Синав и Трувор» о трех варяжских князьях – братьях Рюрике, Синаве и Труворе, призванных княжить на Руси. В 1795 году Давид Чолокашвили, поэт, драматург, а также старший придворный судья, переделал на грузинский лад трагедию Расина «Ифигения», и пьеса была поставлена в марте того же года.

В 1795 году, в период разрушительного вторжения Ага-Магомед хана, из телявских актеров был сформирован специальный отряд под предводительством талантливейшего артиста Мачабела (по разным данным, его звали Давид, или Леван, или Тамаз; царевич Теймураз Батонишвили повествует о нем как о примечательной личности в своих «Записках»). Мачабела пал в неравном бою вместе со всеми своими товарищами. В Крцанисской битве погиб и Габриэл майор.

Как пишет театровед В. Кикнадзе в своей книге «История грузинского драматического театра», «с Крцанисской трагедией завершилась и история первого

грузинского профессионального театра». Следующие сведения о Телявском театре датируются лишь 1866 годом.

А в Тифлисе между тем театр набирал силу, в первую очередь – театр домашний, любительский.

В первые годы XIX века, во флигеле построенной Аполлосом Мусиным-Пушкиным суконной фабрики, ставились любительские театральные спектакли, в которых принимали участие и представители местного дворянства. Об этом Петр Коваленский, глава царского представительства в Грузии, писал в рапорте князю Цицианову от 10 февраля 1803 года: «Заведение театра в Тифлисе имело начало по предложению моему, от общего нашего соглашения с гр. Мусиным-Пушкиным, воинским генералитетом и прочими Российскими чиновниками, а также членами царского дома и почетными князьями здешними. ...играли на оном любители из гражданских благородных чиновников». По данным Александра Соколова – чиновника гражданского управления, дипломата и писателя, актерами были находящиеся на службе на Кавказе молодые дворяне. Спектакли с удовольствием посещались представителями грузинского царственного дома – вдовой царя Ираклия II Дареджан и царевичами. После отъезда из Грузии Коваленского и кончины в 1805 году графа А.А. Мусина-Пушкина, постановки были прерваны. С назначением

«проконсулом Кавказа» А.П. Ермолова в 1816 году, благородные любители искусств продолжили устраивать на домашних сценах концерты и спектакли.

Для истории домашнего театра в Грузии исключительный интерес представляют воспоминания Матвея Гамазова, в 1831 году направленного на Кавказ в качестве саперного офицера. Вскоре по приезде из Петербурга в Тифлис М.А. Гамазов столкнулся со своим знакомым по красносельским лагерям, юнкером, князем Романом Багратионом, который ввел его в дом своего дяди – генерал-лейтенанта, князя Романа Ивановича, брата знаменитого бородинского героя: «Дом их всегда был полон, с утра и до позднего вечера. Княгиня была отличная музыкантша, устраивала квартеты, за которыми нередко следовали танцы... Такою готовою для моих замыслов почвою я не замедлил воспользоваться. Мы перешепнулись с сиятельным юнкером, который не менее моего одержим был театральным бесом, – и вскоре дом дяди его обратился в шумную лабораторию театральных затей. Вся наличная в Тифлисе, и по происхождению столичная молодежь закопошилась в этой мастерской.... Отыскивались и выписывались пьесы, жадно расхватавались и заучивались роли».

21 января 1832 года в тифлисском доме Романа Ивановича Багратиони состоялась постановка «Горе от ума». М.А. Гамазов свидетельствовал: «С большим трудом, с некоторыми урезками удалось, наконец, поставить и «Горе от ума». Роль Софьи довольно неудачно исполняла сестра хозяйки дома. Молоденький хозяйский сын весело и умно играл роль Лизы. Княгиня С. И. Орбельяни в роли Натальи Дмитриевны была восхитительна и оригинальна. Мужа ее играл Лавровский, Молчалина исполнял довольно верно Ольшевский, белокурый, небольшого роста, на тоненьких ножках и скромного вида. Но Скалозуб был несравненен: такого Скалозуба не бывало ни на одном публичном театре. Кн. Роман, исполнявший его, был высок и прям, как струна, с толстыми черными бровями и усами, с великолепным басом». Исполнитель роли Чацкого – Дмитрий Зубарев (псевдоним Пустынный

Гаретубанский), в газете «Тифлисские ведомости» (1832, № 3) рассказал, что, вопреки всем сомнениям, постановка была весьма удачной: «Еще задолго до представления комедии, в тифлисских гостиных толковали о невозможности сыграть эту пьесу, о неудобности оной для домашнего спектакля... но, несмотря на все эти толки, 21 января, в присутствии г. главноуправляющего Грузию, супруги его и всего тифлисского высшего общества, комедия «Горе от ума» была представлена, и исполнение превзошло ожидания зрителей... Пьеса шла как лучше быть нельзя».

Несмотря на живой интерес высшего общества к сценическому искусству, профессионального театра в Тифлисе до 1845 года не было. Учредителем первого профессионального театра на Кавказе стал Михаил Семенович Воронцов – наместник кавказский и главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор. Рескриптом от 30 января 1845 г. «О усилении прав Главноуправляющего гражданской частью на Кавказе» М.С. Воронцову были даны широчайшие полномочия, позволявшие ему самостоятельно, с учетом специфики региона, решать возникавшие проблемы на месте, докладывая непосредственно императору, так как Николай I считал, «что нет другого человека в России, как князь, который бы так был способен и так умел творить, созидать, устраивать».

При первой же встрече с гражданским губернатором Тифлиса генерал-майором Василием Сотниковым Воронцов заговорил о театре, а уже на пятый день по приезде в Тифлис, предписанием от 28 марта 1845 года, передал в ведение начальника обустройства город, инженер-полковника Дмитрия Сониного здание манежа для реконструкции под театр.

Датой рождения профессионального драматического театра в Грузии принято считать 20 сентября 1845 года. Именно в этот день в приспособленном под театр здании манежа были представлены водевиль в одном действии С.П. Соловьева «Что имеем, не храним, потерявши плачем» и водевиль Д. Т. Ленского в двух действиях «Стряп-

чий под столом».

Одновременно М.С. Воронцов задумался и о постройке «для пользы и украшения города» специального здания театра. Он обратился в Тифлисское городское общественное управление с тем, чтобы оно убедило горожан и хозяев торговых рядов организовать товарищество для возведения на городской земле театрального здания на выгодных для них условиях. Из всех частных лиц готовность изъявил лишь почетный гражданин Тифлиса Гавриил Тамамшев. 4 ноября 1846 года М.С. Воронцов утвердил контракт на постройку в Тифлисе на Эриванской площади на средства Г.И. Тамамшева каменного двухэтажного здания для лавок, погребов и театра, а также на передачу Тамамшеву «на вечное и потомственное владение всей земли под строением находящуюся», и предоставление ему потомственно в театре ложи под № 15 в бельэтаже «без платежа за оную театральную Дирекции суммы». Торжественная закладка «Тамамшевского караван-сарая» с театром состоялась 15 апреля 1847 года.

Активным сподвижником М.С. Воронцова в создании профессионального театра был Григорий Гагарин. Он прибыл в Тифлис осенью 1848 года вместе с молодой женой Софьей Дашковой. До середины 1854 года с некоторыми перерывами он жил на Кавказе и активно творил в различных областях искусств. Там родились и его дети – Григорий, Мария и Анастасия.

Благодаря широте взглядов, кипучей деятельности и простоте в обращении Гагарина внесли свежую струю в светскую жизнь Тифлиса. Вскоре по приезде Г.Г. Гагарин построил маленькую сцену в зале Тифлисской гимназии, украсив ее прекрасными декорациями своей работы. Кроме декораций, Гагарин писал эскизы театральных костюмов, изготавливал парики, был актером, ставил живые картинки.

В 1849 году публика впервые увидела разнообразные сценические эффекты, основанные на применении театральных механизмов. В этих спектаклях на первый план выдвигалось мастерство машиниста и декоратора, которые создавали всевозможные полеты и превращения. Три таких спектакля вызвали

общий восторг публики удачным выбором сюжетов и искусством постановки. Грузинский поэт и публицист М.Б. Туманов 20 марта 1849 года записал свои впечатления: «В этот вечер мы получили истинное наслаждение зрелищем живых картинок на сцене здешнего театра в постановке выдающегося знатока искусств Гагарина. Это событие редкое, почти невообразимое для Тифлиса, но участие в их постановках человека, который является художником в полном смысле этого слова, оказалось достаточным для того, чтобы привлечь на этот спектакль многочисленную публику».

В зале Тифлисской дворянской гимназии в зимний сезон еженедельно давались спектакли в пользу бедных, на которые собиралась вся тифлисская знать. Пьесы ставились на русском и французском языках. На сцене играли люди из ближайшего окружения наместника – капитан, князь Александр Голицын, князь Владимир Голицын, графиня Варвара Шуазель-Гуфье, князь Александр Дондуков-Корсаков, княгиня Софья Гагарина.

На этих спектаклях стало известно, что из рук в руки ходит рукописная комедия из местной жизни, автором которой являет-

Е.А. Ботман. Портрет графа М. С. Воронцова

ся, живущий в Хидистави (близ г. Гори) помещик, князь Георгий Эристов (Эристави). М.С. Воронцов послал за автором. На приеме Г.Д. Эристов преподнес наместнику свою пьесу «Раздел». Тот поблагодарил и сказал: «Пока мне переведут эту комедию на русский язык, ступайте и скажите всем любителям сценического искусства из грузин, чтоб они разучили роли и под вашим наблюдением разыграли вашу комедию на сцене Тифлисской гимназии. Тогда мы и увидим, каково ваше произведение и каковы сценические способности у грузин».

Надо подчеркнуть: несмотря на то, что на грузинском языке уже писали оригинальные пьесы и делали переводы наиболее интересных для тогдашнего общества авторов, отцом-основателем грузинского театра считается Георгий Эристов. Благодаря его трудам был заложен фундамент такого учреждения, под сенью которого грузинам прививали не только благородные идеи и чувства, но и пробуждали национальное самосознание. Однако следует признать, что без поддержки М.С. Воронцова театральная деятельность на грузинском языке началась бы годами позже. Заслуга наместника в деле возрождения грузинской культуры вообще и грузинского театра в частности – неоценима. Об этом Акакий Церетели написал в своих мемуарах «Пережитое», в поэме «Воронцов», стихотворениях «Рассказ бабушки» и «Памятник Воронцову». В статье, опубликованной в юби-

лейном сборнике, посвященном 50-летию со дня основания грузинского профессионального театра, а также в брошюре Ильи Перадзе «Георгий Эристави и грузинский театр», опубликована благодарственная ода М.С. Воронцову, в которой говорится, что он воздвиг себе рукотворный памятник, увековечив свое имя в культурной истории Кавказа. Александр Орбелиани писал: «Воронцов дал нам грузинский театр и грузинский литературный журнал – вот, мол, наслаждайтесь прекрасным языком ваших предков. Князь был человеком великого ума, совершенной просвещенности и воистину желал нам добра». Добавим, что некоторые грузинские деятели относились к Воронцову иначе. Так, Вахушти Котетишвили писал, что «Воронцов сослужил большую службу России, но какое покровительство он оказал Грузии – не видно. Да, он энергично взялся за нашу страну, можно сказать, встал во главе культуры, но он делал свое дело, а если иногда и обращал внимание на наши нужды, то это были лукавство и ширма... Он создавал такие центры, где ускоренно происходила национальная деградация». Вот так, ни больше, ни меньше...

И все-таки нам есть за что благодарить наместника. «Останься Воронцов еще лет двадцать на Кавказе – какая бы чудная будущность ждала этот край!», – писал историк Платон Иоселиани. Театры, учебные заведения, газеты и журналы, публичная библиотека, благоустройство городов, совершен-

ствование и развитие сельского хозяйства (не говоря о крупных победах в боях против Шамиля) – все, что было сделано для развития края, сделано или начато Воронцовым. Путь Кавказа к Европе определили именно те европейские культурные ценности, которые внедрял наместник. После смерти наместника широкое распространение получила поговорка: «До Бога высоко, до царя далеко, а Воронцов умер». М.С. Воронцов был настолько почитаем, что жители Тифлиса обратились к правительству за разрешением собрать средства на сооружение ему памятника. Воронцов стал первым из государственных деятелей России, которому воздвигли памятник на собранные по подписке деньги.

Однако вернемся к театру. 2 января (14 января по новому стилю) 1850 года в Тифлисе появилась афиша, уведомляющая о том, что «на любительской сцене Тифлисской гимназии благородными любителями будут даны в пользу бедных: на французском языке «Михаил и Кристина» («Michel et Christine» Эжена Скриба). Участвующие: баронесса Мейендорф, кн. Александр Михайлович Дондуков-Корсаков, Александр Матвеевич Минчиаки и Аркадий Дмитриевич Башмаков; на грузинском языке «Раздел» («გადაღი»). Участвующие: кн. Илья Орбелиани (в роли кн. Андугапара), кн. Окропир Эристов и Дмитрий Кипиани (в роли его братьев: первый – Павла, второй – Ивана), Варвара Георгиевна Андреевская (в роли кн. Макрине), кн. Георгий Эристов (автор) (в роли Микиртума Гаспарича), княжна Кетеван Георгиевна Орбелиани (в роли кн. Тателы, его жены), княж. Анастасия Давидовна Орбелиани (в роли Шушаны, их дочери), Григорий Осипович Шаншиев (в роли кн. Рамаза, секретаря), кн. Николай Дмитриевич Эристов (в роли кн. Бардзима), Михаил Егорович Чилиев (в роли кн. Гавриила), кн. Г. Эристов (в роли имеретина), княж. Мария Георгиевна Эристова (в роли Кардаш-верды (няня))».

Успех спектакля на грузинском языке, разыгранного грузинской знатью на сцене, оформленной Г.Г. Гагариным, превзошел все ожидания. М.С. Воронцов присутствовал на спектакле с семьей и свитой и более всех аплодировал добро-

Школьная экскурсия в Грибоедовском театре

вольным актерам и особенно усердно – автору, замечательно сыгравшему в спектакле. В своем дневнике он сделал такую запись: «Грузинский театр удался превосходно... все играли как нельзя лучше, никогда еще в Грузии такого явления не было».

Яков Полонский писал: «2-е января 1850 года в истории образования Грузии запишется, как замечательный день... В зале гимназии благородными лицами высшего грузинского общества в первый раз, с разрешения князя наместника, разыграна была на грузинском языке национальная грузинская комедия «Раздел». Пьеса так хороша, так поразила всех своей оригинальностью и своим глубоким юмором, что мы не решаемся просто хвалить ее – мы обязаны дать нашим читателям, сколько возможно, подробный разбор этого поэтического создания – или даже подарить им перевод его. Автор пьесы, князь Георгий Эристов, давно как поэт известен в Грузии, но никто из нас, русских, не подозревал в нем такого комика. Исполнение комедии, где участвовал сам поэт, было не шутя, выше всех похвал. Превосходное знание ролей, костюмы, игра – все приводило в восторг многочисленных посетителей. Одним словом, исполнение было такое, что не нужно было знать по-грузински, чтобы понимать и восхищаться пьесой наравне с грузинами».

В память о первой постановке пьесы на грузинском языке Михаил Воронцов заказал преподавателю Тифлисской гимназии, талантливому рисовальщику и акварелисту, Георгию Коррадини рисунки всех сцен из комедии. Альбом с золотым теснением «გზუბი» на голубом бархате сохранил для истории изображения грузинских дворян в сценических образах, а также образец того самого бархата, которым были отделаны интерьер, ярусы и стулья зрительного зала, придавая театру мистическую роскошь (в октябре 1874 года театр сгорел).

Вдохновленный успехом, 3-го мая 1850 года на сцене уже Манежного театра Г.Д. Эристов поставил другую свою комедию – «Тяжба». В письме к А.П. Ермолову от 9 мая 1850 г. М.С. Воронцов делился своими впечатлениями от новой постановки: «Посылаю тебе либретто

Спектакль «Аллея любви». Большой зал театра Грибоедова. Поклон

и афишку второй пьесы, сочинения Георгия Эристова; все это шло превосходно. Первое русское театральное представление было в январе 1750 г., и играли кадеты; первое же грузинское ровно 100 лет позже, но с той разницею, что русский театр был весьма плох, и только недавно сделал быстрые шаги, особливо по части актеров и актрис; грузинский же с самого начала не только хорош, но превосходит, и нельзя не удивляться чрезвычайной способности первых лиц из лучших здешних фамилий понимать и играть все роли; это дело пойдет вперед и в нравственном отношении весьма будет полезно».

Успех спектаклей воодушевил наместника на учреждение, наряду с русским театром, и грузинского. Реализация задуманного – учреждение грузинского профессионального театра – требовала больших вложений, и без высочайшей поддержки фактически была невыполнима. М.С. Воронцов решил эту проблему во время приезда в Тифлис будущего императора Александра Николаевича. После осмотра войск на Дидубийском поле в Тифлисе, Воронцов взял за руку Георгия Эристова и представил его цесаревичу: «Рекомендую, Ваше Высочество, грузинского Мольера». Цесаревич пожал Эристову руку со словами: «Очень рад слышать, что у грузин имеется свой Мольер». 29 сентября 1850 года цесаревич Александр покинул гостеприимный Тифлис, а уже 4 октя-

бря 1850 года Г.Д. Эристов был назначен младшим чиновником особых поручений при наместнике, в функцию которого входило формирование постоянной грузинской труппы. В предписании М.С. Воронцова к Дирекции Тифлисского театра от 4 октября 1850 года говорилось: «Поручив состоящему при мне для особых поручений чиновнику кн. Эристову приступить к устройству постоянных спектаклей на грузинском языке на здешнем театре, предлагаю Дирекции отпустить в ведение его и по мере требований по 4000 р. в год, считая с 1-го ноября настоящего года, на уплату жалованья артистам, требуя от него отчетность в израсходовании этой суммы. Вместе с тем, предлагаю Дирекции оказывать кн. Эристову всякое от нее зависящее содействие при исполнении настоящего предположения, назначив дни для грузинских спектаклей и записывая на приход на общем основании деньги, выручаемые от сборов за оные».

Таким образом, домашний театр, устроенный грузинской знатью 2 (14) января 1850 года в зале Тифлисской дворянской гимназии, стал предтечей грузинского профессионального театра, первая постановка которого состоялась 1 января 1851 года на сцене Манежного театра в Тифлисе.

В 2023 году Грузия отпразднует День грузинского театра в 173-й раз.

Поздравляем всех причастных!

«ПЕСНИ» И «ГРЕЗЫ» «МОСКОВСКОЙ ПРЕМЬЕРЫ»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Любой фестиваль – это путешествие в неизведанное, сулящее новые впечатления и встречи. И того, и другого было с избытком на кинопразднике «Московская премьера», организованном Фондом поддержки культурных и кинематографических инициатив «Два Андрея», продюсерским центром «М Премьера» при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ и Министерства культуры России. В рамках

международного фестиваля кино стран Содружества прошли конкурсы полнометражных и короткометражных фильмов, гала-премьеры, ретроспективные показы, вечер в ГИТИСе, посвященный памяти Анатолия Папанова, экскурсия по киноконцерну «Мосфильм». Участники фестиваля посетили выставку «Мир как беспредметность. Рождение нового искусства: Казимир Малевич, Павел Филонов, Марк Шагал, Анна Лепорская и другие» в Еврейском музее и Центре толерантности.

Вячеслав Шмыров

Минуло двадцать лет со дня первого фестиваля «Московская премьера», президентом которого был Алексей Баталов, и к этой дате была подготовлена насыщенная программа игровых, документальных, короткометражных, анимационных картин, снятых за два последних десятилетия.

ПОЛНЫЙ МЕТР

Атмосфера на открытии «Московской премьеры» была торжественной и в то же время неформальной, домашней. Участники фестиваля посмотрели последнюю, неигровую картину Алексея Федорченко «Монета страны Малави». О кинорежиссере, актере, писателе Василии Шукшине, вернее, о мифологизации его образа на родине – Алтае. Алексей Федор-

ченко, как всегда, предложил нестандартное решение темы (режиссер определил жанр картины как комедия-реквием), одобренное юмором и иронией, и сразу задал высокую художественную планку.

На открытии были вручены призы за вклад в международное кинематографическое сотрудничество. Их обладателями стали именитые режиссеры, мастера – **Вячеслав Никифоров** из Беларуси (снял такие известные телевизионные картины, как «Отцы и дети» по И. Тургеневу, «Палач» и др.) и **Камара Камалова** из Узбекистана. В рубрике «Специальное событие» была представлена ее новая картина «Дорога в никуда» – эмоциональное киноповествование о сложных взаимоотношениях пожилой одинокой актрисы и девушки из детдома. Гавхар приютила юную Лолу, а та совершила ряд серьезных проступков, и в итоге разрушила не только собственную судьбу, но и жизнь своей благодетельницы.

В конкурсе полного метра приняли участие восемь картин. Открыл программу, отличавшуюся многообразием тем, жанров и стилей, российский фильм «Песни лета» режиссера из Якутии **Дмитрия Давыдова**. Эта забавная архаусная лента с привкусом чертовщинки – плод причудливой фантазии создателей, соединивших фольклорные и мистические мотивы в нечто яркое и жизнеутверждающее. Международное жюри киноведов и киножурналистов отметило «Песни лета» своим призом за новаторство и оптимизм в отображении национальных традиций. А официальное жюри конкурса полного метра удостоило картину специального упоминания за поиск новых форм киноязыка.

Специальным призом жюри за изобразительное решение был награжден **Эмиль Гузаиров**, художник картины «Тысяча грез» (Кыргызстан) режиссера **Марата Сарулу**, сотворившего завораживающее зрелище. Хотя очаровывает фильм не только необычностью киноязыка и художественным мастерством создателей, но и философским контекстом, пере-

осмысляющим восточный и западноевропейский интеллектуализм.

Узбекистан (Каракалпакстан) представил на конкурсе картину с феминистским посылом под названием «Тенгиз» **Мансура Васати Абдухаликова**. Тенгиз – имя молодой женщины, преданной мужем и ставшей по его вине инвалидом. Однако героиня – отнюдь не жертва обстоятельств, напротив, страдания закалили дух Тенгиз. Именно в таких случаях говорят: «Судьба преподнесла ему (ей) лимон, а он (она) сделал (сделала) из него лимонад». Тенгиз сумела организовать успешный пошивочный цех, в который привлекла и других женщин, пострадавших от домашнего насилия. Жюри конкурса полнометражных фильмов вручило приз за лучшую женскую роль актрисе **Ситоре Фармоновой**.

Отметили также лучшую мужскую роль – награда досталась юному дарованию, **Мехроджиддину Сафару** («Водный мальчик», Таджикистан, режиссер **Файзулло Файзов**). Он сыграл главного героя – мальчика, который живет в бедной рыбацкой деревне вместе с родителями, едва сводящими концы с концами, и всем сердцем привязан к водной стихии. Но в Кайраккумском водохранилище накапливается все меньше воды – как и рыбы. И перспектива Таджикского моря, как еще называют водохранилище, самая безрадостная... На этом фоне и разворачивается драматичная история подростка, его незадач-

ливого отца, тщетно пытающегося заработать – даже актером у необязательных киношников, вечно озабоченной проблемой выживания матери и деда.

Не менее драматична судьба героев картины киргизского режиссера **Таалайбека Кулмендеева** «Продается дом», попавших в тиски долговых обязательств. В итоге обстоятельства разрушают молодую семью. Но режиссера волнует не столько социальный аспект как таковой, сколько проблема сохранения семейных ценностей. Ведь именно любовь и доверие между близкими людьми, взаимная поддержка дают нравственные силы для преодоления трудностей, кажущихся необоримыми.

Эта мысль, вероятно, актуальна и для казахских создателей тинейджерской драмы «Схема» (режиссер **Фархат Шарипов**). У пятнадцатилетней Маши, переживающей кризисный период взросления, сложные отношения с родителями. Она рискует стать «плохой девочкой» – прикладывается к спиральному, сближается с сомнительной компанией, которая вовлекает ее в нечистую игру. К счастью, Маше удастся вырваться из порочного круга... Жюри Федерации кино клубов России отметило фильм специальным упоминанием за честный взгляд на мир подростка.

Была в программе конкурса и черная комедия российского режиссера **Юсупа Разыкова** «Живитедолго» – картина своеобразная, гротесковая, с

захватывающим детективным сюжетом о ряде загадочных самоубийств на заводе железобетонных изделий города Н. Фильм обошли призы, но, думается, он найдет своих зрителей, предпочитающих парадоксальные, неоднозначные истории, психологические загадки.

Гран-при была удостоена архаусная драма «Поэт» **Дареджана Омирбаева** (Казахстан). Она начинается с диалога о месте поэта в нашей жизни, о непростых судьбах тех, кто выбирает путь бескорыстного служения поэзии, о вечной и непримиримой антиномии «поэт и сильные мира сего». В картине показаны параллельные судьбы двух поэтов – из прошлого и настоящего. Мысль создателей картины очевидна: ничто не изменилось в мире – поэт во все времена уязвим, незащищен. И нужен крепкий нравственный стержень, чтобы устоять под давлением зла, не сломаться, не поддаться искушению.

Почетный гость фестиваля, писатель, журналист, переводчик **Адольф Арцишевский**:

– Фильм – о вещах, наверное, не самых главных в нашей жизни. Нет, но поэзия – а именно о ней идет речь – не хлеб насущный, без нее можно, в конце концов, прожить. Но без нее небо скукоживается, утрачивая для глаз голубизну, и может наступить удушье, поскольку поэзия как толика озона, дарующая глубину дыханию. Наверное, без нее, как без чтения книг, можно вполне обойтись. Душа, правда, утрачивает способность к левитации, и тело забывает, что оно крылато и может взорваться в немыслимую высоту.

Режиссер-лауреат **Дареджан Омирбаев** и завершил фестиваль. Была показана видеозапись с его приветствием, а затем – короткометражная лента «Последний сеанс», суть которой определил сам Омирбаев: «Это фильм о трудной судьбе творческого человека, который должен быть готов нести крест неизбежного одиночества».

Гала-премьеры и кино от Председателя

Во внеконкурсной программе были показаны гала-премьеры

Лариса Садилова

Камара Камалова

– казахская картина, драмеди «Огонь» (режиссер **Айжан Касымбек**), трилогия о ЖКХ россиянина **Вячеслава Федорова**, белорусская психологическая драма «Лето 1989» **Владимира Козлова**, а также две картины российского режиссера **Ларисы Садиловой** – «Однажды в Трубчевске», показанная в программе «Особый взгляд» Каннского фестиваля, и «Огород» (рубрика «Кино от Председателя»). Это органичное, глубокое, душевное кино, интересное как киногурманам, так и широкой зрительской аудитории.

Лариса Садилова, председатель официального жюри конкурса полнометражных фильмов:

– У жюри не было явного фаворита. Но мы пришли к единому мнению, что картина «Поэт» – лучшая, по всем параметрам. Мы, разумеется, обсуждали каждый фильм. Сначала, до обсуждения, думали, что не сговоримся. Но получилось наоборот – очень быстро достигли консенсуса. Не все конкурсные фильмы совершенны. Вероятно, в каких-то странах не хватает средств на кинопроизводство, и это чувствуется. Но все сошлось в том, что актриса, сыгравшая Тенгиз в одноименном фильме, должна быть отмечена за лучшую женскую роль, хотя сама картина вызывает какие-то вопросы. Точно так же, как

и таджикский фильм «Водный мальчик». Однако юного актера, сыгравшего в нем главную роль, решили наградить. Всем понравилась картина «Тысяча грез», которую мы отметили за художественное решение. Что касается обладателя Гран-при, фильма «Поэт», то это не совсем моя картина. Мне понравилась другая, которая не вошла в список призеров, – «Продается дом». Но я оказалась, увы, в меньшинстве.

– Как вы относитесь к кон-

Вячеслав Никифоров и Олег Сафаралиев

цепции фестиваля «Московская премьера»?

– У нее безусловно есть будущее, потому что культура должна нас сближать – именно это ее цель. И если не такой фестиваль, то какой же? «Московскую премьеру» я считаю важной, потому что нам нужно общаться, сотрудничать, знакомиться с творчеством других, ведь мы – соседи. А фестиваль именно эту цель перед собой и ставит. В России приветствуют совместные постановки, и нужно искать точки соприкосновения, какие-то общие темы. Может быть, в первую очередь, Россия должна предлагать, быть более активной в этом отношении. Мы очень увлечены европейскими странами, а не близкими республиками бывшего Союза. По-моему, даже «Киношок» отошел от тематики «кино стран СНГ». Так что «Московская премьера» сейчас единственная такая площадка в России, и ее нужно всячески поддерживать и лелеять.

КОРОТКИЙ МЕТР

В конкурсе короткометражного кино было представлено двадцать две картины из девяти стран.

Александра Жукова, директор конкурсной программы короткого метра, сценарист, продюсер:

– Тотальное одиночество.

Ощущение потерянности, инакости в мире. Вот, пожалуй, связующее негласное звено между большинством короткометражек нашего фестиваля 2022 года. Возможно, это попытка авторов понять, проанализировать стремительно меняющееся состояние мира.

Шарофат Арабова (Таджикистан), председатель жюри конкурса короткометражных фильмов, режиссер, сценарист, киновед:

– Наш конкурс – молодежный. Саша Жукова создает многоцветную мозаику, старается подбирать фильмы, выполненные в разной стилистике, но объединенные общими темами. В прошлом году были затронуты остросоциальные вопросы, в этом – общечеловеческие, интроспективные проблемы. Пандемийная пауза заставила что-то пересмотреть, проанализировать, произошла переоценка ценностей. Каждая представленная в конкурсе картина бросает какой-то вызов – формой, темой, месседжем самого автора. Вызов киноязыку, традициям. К примеру, отмеченный нами за переосмысление традиций фильм «Эмма» армянского режиссера **Мартина Матевосяна**. Он поднимает серьезные проблемы, не занимаясь дидактикой. Пытается посмотреть на проблему с двух сторон. Это фильм о девушке, образ жизни которой не вписывается в традиционные армянские нормы поведения. Конфликт современности и патриархальных ценностей составляет основной смысл этой работы. Киноязык, работа с камерой, хореография длинных планов – все звучит в унисон, является единым целым. «Эмму» мы наградили спецпризом жюри. Второй спецприз получила картина «У нас есть связь» российского режиссера **Виктора Прокофьева**. Это дебютная, но очень зрелая работа. Интересно наблюдение создателей за персонажами, то, как это снято. В фокусе внимания – любовная связь женщины за сорок и совсем еще молодого человека. В работе Прокофьева подкупилась легкость анализа отношений двоих. Фильм напомнил мне кино новой волны, когда режиссеры брали двух

персонажей и на основе их взаимоотношений строили сюжет. Можно по-разному снять женщину, которая принимает душ, или сцену интимной близости. В фильме Прокофьева все сделано тактично, абстрагированно, поэтому мы воспринимаем эротическую сцену в кинотеатре как картину в музее. Мы же не считаем порнографией «Завтрак на траве» Мане. Мы отметили эту картину с формулировкой «за инопланетный взгляд на земное». Дополнительный приз – особое упоминание – мы присудили фильму «С собой» **Никиты Сички**. С формулировкой «за поэтичность неизбежного».

Отец – дальнбойщик. Мы чувствуем тоску этого ребенка так, что сжимается сердце. Понравилось, как режиссер показал срез жизни, не чувствуется монтажных переходов, все очень органично. Вместе с режиссером мы словно подглядываем в замочную скважину за персонажами. В то же время мы понимаем, что он действительно сын своего отца. В фильме есть сцена единоборства – это игра, в то же время чувствуются обида мальчика на отца за его долгое отсутствие. И сыну хочется его перебороть. Отец любит ребенка, но больше озабочен устройством своей личной жизни.

Гости из Казахстана – обладатели Гран-при

Картина заставляет размышлять о глобальных вещах: есть ли жизнь после смерти, что мы унесем из этого мира ТУДА и какую память о себе оставим. Героиня, абсолютно потерянная перед лицом надвигающейся смерти, встречает человека, ради которого ей хочется жить, и соглашается на операцию, надеясь на чудо. Картина понравилась своей поэтичностью, элегичностью, прекрасными актерскими работами. А Гран-при мы присудили фильму «Сын своего отца» (**Дастан Мадалбеков**, Кыргызстан). О восьмилетнем мальчике, который ведет себя как взрослый мужчина. В отсутствие родителей он абсолютно самостоятельный.

ни, а мальчик чувствует себя обделенным вниманием. Тем более, что отец приводит новую жену – она беременна, и наш маленький герой все-таки будет для нее пасынком, а не родным сыном. Это трагедия многих современных расколотых семей. Нам также понравилась картина российского режиссера **Никиты Грушина** «Один день Алисы». История девушки-наркоманки, которая пытается вернуться к нормальной жизни, выстоять в мегаполисе, остаться чистой в нравственном отношении. Она боится людей, держится отчужденно и в то же время, устроившись на работу в супермаркете, пытается найти общий язык с окружающими. Алиса ка-

Жюри фестиваля «Московская премьера»

жется им странной, что создает проблемы общения. В хостеле она получает подарок на день рождения. Девушку это удивляет: в большом городе, где много одиноких людей, кто-то проявил к ней внимание! – и заставляет поверить в то, что не все потеряно, надежда есть – между людьми взаимопонимание возможно. Картина замечательно снята, впечатляют выразительные кадры. Документальная стилистика под ночную жизнь мегаполиса «Алисы» отличается от манеры, в которой снят «Сын своего отца». Здесь неотполированный срез жизни, а в российской ленте операторы стремились сделать красивый кадр. В ней снялась очень сильная актриса Маргарита Андреева. К сожалению, у нас не было возможности отметить ее в соответствующей номинации.

НЕБОЛЬШОЙ, ДОМАШНИЙ...

Евгений Майзель, директор конкурсной программы полнометражных фильмов, киновед:

– Четыре года назад «Московская премьера» обрела статус международного фестиваля. Вячеслав Шмыров создал его новую концепцию. «Московская премьера» – небольшой, домашний фестиваль, и задачу серьезно расширяться перед собой не ставит. Важно другое – делать хороший фестиваль. Не всем же быть большими фе-

стивалями.

Наша конкурсная программа подразумевает демонстрацию фильмов, снятых в России и на территории постсоветских республик. Есть страны, в которых небольшой объем кинопроизводства или вообще ничего не производится. Например, в Молдове нет полнометражного кино, которое можно привезти на фестиваль. Или снимается копродукция, не представляющая фестивального интереса. На «Московский премьере» представлены развивающиеся кинематографии. Так, Узбекистан, Таджикистан пока только набирают обороты. А вот Казахстан, Кыргызстан уже имеют развитое, интересное кино. У каждой страны, участвующей в нашем конкурсе, своя история кино, свой путь развития. Постсоветские республики все больше движутся в сторону копроизводства, сотрудничества с европейскими и азиатскими фондами уже на уровне запуска, подготовки проекта. Все меньше картин, существующих без участия этих структур, что определяет и дальнейший путь продвижения фильмов. На какие-то фестивали они могут поставяться, на другие – нет. Но это относится к сфере внешней политики.

Фестивалей в Москве много проходит, а мы каким-то образом должны убедить кинемато-

графистов приехать именно к нам. Конечно, многое основано на человеческих отношениях, уже сложившихся контактах. «Московская премьера» делает акцент на кино как творчестве, искусстве. Мне приятно, что режиссер Омирбаев отметил это в своем приветственном слове. Формирование программы всегда сложный и болезненный процесс. Поначалу я даже думаю, что ничего не получится. Но потом начинаешь работать и в какой-то момент видишь, что программа собрана. И в ней даже есть некоторые рифмы, что-то переплетено между собой. Есть какое-то единство. Иногда его действительно удается достичь. В нынешнем же году конкурс не представляет эстетического единства, в нем представлены две линии: картины, условно говоря, реалистического направления и символические, фантазмагорические. Есть феминистский фильм «Тенгиз», социально-критическая драма «Продается дом». Жаль, что последняя осталась без призов. В этом году мне очень нравится решение жюри, все призы заслуженные, картины действительно их достойны. Фильмы менее опытных режиссеров ценны тем, что представляют, может быть, страну с очень маленьким объемом кинопроизводства. И их вклад в кинопроцесс ничуть не меньше и в чем-то даже больше, чем достижения представителей более мощной, отработанной индустрии. И еще. На нашем фестивале нет деления на игровые, неигровые картины или фильмы, принадлежащие территории постдока – жанра, в котором соединяются элементы документальности и постановочности.

Под занавес в библиотеке-читальне имени И.С. Тургенева состоялся диалог по вопросам международного кинематографического сотрудничества. Художественный руководитель и генеральный продюсер фестиваля **Вячеслав Шмыров** говорил о необходимости искать пути интеграции, ведь деловой формат позволяет объединяться. По мнению режиссера Думитру Гросея из Молдавии, киноцентры стран бывшего Союза должны сотрудничать на зако-

нодательной базе, нужен соответствующий документ, чтобы положения о контактах в области кино были согласованы и действовал закон страхования. «Только ностальгия ничего не даст – мы должны быть информированными, уверенными в том, что законы работают».

Несколько иную точку зрения выразил режиссер, продюсер из Казахстана Олег Сафаралиев – на его взгляд, сближению могут мешать не только законодательные преграды, но и ментально-культурные несовпадения. «Нужно искать архетипически близкие страны, которые могут объединяться. Сложно найти общие темы в государствах с различными культурными и кинематографическими традициями». Он предложил двигаться малыми шагами, имея в виду конкретные темы и конкретных режиссеров. Именно такой путь продуктивен.

Лариса Садилова: «Мы прожили вместе 70 лет, и в эти годы было много прекрасного. Не нужно замыкаться внутри своего государства, и Россия, со своей стороны, должна больше предлагать. Везде культура призвана сближать, а не разъединять, мы соседи, и нас многое связывает, может быть, общее будущее».

Евгений Майзель: «Декларативно решать проблему копродукции едва ли сегодня возможно. Все должно происходить естественным путем».

Кинорежиссер, киновед из Баку Аяз Салаев: «Нужно осмыслить культурное пространство, в котором мы живем. Для определенной части человечества труд важнее денег. Но то, что сейчас пишется и снимается, – это искусство тех, кому важнее всего материальная сторона. В фильмах сплошное нытье, без всякого сопротивления и воли к жизни. Тема воли к жизни все реже и реже отражается в кино. Художники перестали ощущать себя пророками, формирующими национальную культуру. Уже тридцать лет мы живем отдельно друг от друга, но национальные культуры так и не были созданы. Многие между собой воют... На основе какого мировоззрения,

Круглый стол по проблемам международного кинематографического сотрудничества

мироощущения должно происходить взаимодействие? Мое поколение испытало разочарование. Появились режиссеры, работающие по определенным стандартам. Чтобы кино отвечало их представлениям о нашей жизни. Это уродует и развращает кинематографистов».

Лариса Садилова: «Мне часто встречается формулировка: отличное европейское кино. Хотя на Западе многое не догоняют, все у них стандартизировано».

Евгений Майзель: «Россия могла бы играть определенную роль, чтобы способствовать созданию копродукции. Но происходит так, что другие страны уже не видят в России возможности для создания совместных картин и ищут партнеров в других государствах. Связи слишком разорваны. Все отдано в жертву нынешней политической конъюнктуре. Мы сами отказались от роли арбитра в кинематографическом пространстве. Хотя в России много мыслящих людей, готовых думать о нормальной совместной работе и играть роль организатора и регулятора».

В дискуссию включился белорусский режиссер Вячеслав Никифоров, призвавший отречься от стереотипов, ставших тормозами. «Нужно перестать говорить об арбитрах, есть тысяча способов для взаимодействия. Все должно быть вместе у человечества, иначе оно погибнет.

Конечно, кроме того, что делает страны и народы уникальными, поэтому нужно делать все для развития национальной культуры».

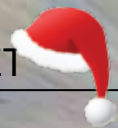
Вячеслав Шмыров: «На чем сегодня строить образный мир кино?»

Киновед **Виктория Майзель:** «У меня возникло ощущение близости картин, представленных на фестивале. Когда смотрела фильмы, снятые в разных эстетиках, то обратила внимание на то, что везде звучат безличные интонации, везде солирует общий план. Отсутствуют герои, характеры, но есть сумма обстоятельств самой реальности, ощущение некой растерянности. Безличное повествование! Мир непонятен, сложен. Герой – следствие реальности».

Аяз Салаев: «В кино исчезли личности».

Вячеслав Шмыров: «Давайте сохраним горизонтальные связи. Холостых ходов делать не хочется. Прекрасная идея – конфедерации творческих союзов кинематографистов разных стран...»

Отмечу, что в программе короткого метра была представлена пронзительная картина «Захар» – прекрасный пример копродукции (Грузия, Армения, Россия). Режиссер, сценарист, композитор, оператор, художник – **Сурен Касабян Адлер.**

ТАЙНЫ ГОРОДА-ПРИЗРАКА

■ **Ирена КЕСКЮЛЬ**

Стоило ли объявлять войну дворцам ради того, чтобы застроить мир хижинами?

В. Туровский

Об архитектурном облике Грузии можно говорить бесконечно благодаря его многообразию, смешению стилей и культурных черт зодчества, причудливому сочетанию этнических элементов с классическими, ранней и поздней готики XIX столетия с громоздким сталинским классицизмом XX-го, мавританских орнаментов с воздушностью деревянных остекленных галерей. На сегодняшний день существует негласный «золотой фонд» исторических достопримечательностей Грузии, излюбленные места паломничества туристов, отмеченные во всех путеводителях. Однако не меньшего внимания заслуживает т. н. «параллельная вселенная» местной исторической архитектуры, незаслуженно пребывающая в тени и ожидающая своего пробуждения, словно царство Спящей Красавицы. Это и деревянные ансамбли Коджори, и немецкие фахверки Асурети, и покинутые дворянские дачи Черноморского побережья, и

затерянные в отдаленных селениях заброшенные некрополи, и, безусловно, жемчужина ранне-советского строительного искусства – санаторный город Цхалтубо в самом сердце Имеретии.

Первый бальнеологический курорт появился здесь в 1918-ом; и, хотя масштабная застройка Цхалтубо стартовала в начале 30-х годов прошлого века, слава о целебных источниках имеет гораздо более давнюю историю и восходит, согласно летописям, еще к VII веку. Впервые химический анализ воды был взят еще в 1849 году аптекарем Вилемсом, в дальнейшем Цхалтубо приобрел статус здравницы императорского двора, а спустя годы после революции, в 1931-ом, славу всесоюзного курорта. После Сталина строительную эстафету принял Хрущев, а затем и Брежнев.

Этот потерянный ныне советский рай, последняя вспышка строительного величия СССР до хрущевской типизации, доходящее до китча сочетание роскоши

и крайнего запустения – находится всего в восьми километрах от Кутаиси и фактически полностью состоит из комплекса 22 санаториев, окружающих некогда роскошный парк с радоновыми источниками и купальнями. Ныне частично возрожденный, он хранит в себе немало загадок прошлого. Помимо здания купальни с традиционным коллонадным фронтоном и скрытым в ежевичных зарослях замшелым бассейном, в самой отдаленной части парка обнаруживается неприметный на первый взгляд низкий портал, за которым открывается поражающее воображение пространство, вызывающее стойкие ассоциации со съемочной площадкой фильма о космической одиссее. Сквозь отверстие в распластанном железном куполе бьет солнечный свет, и в кругу этого света тянет ветви вверх чахлый молодой клен; на цветущих стенах еще проступают осколки голубой мозаики, а под ногами – гигантские сегментированные диски, словно оставленные кораблями пришельцев. Однако сюрреалистический флер рассеивается очень быстро, когда приходит осознание назначения этих сегментов, каждый из которых – индивидуальная ванна для радоновой воды, а в центре

круга – распределительная труба ее подачи. Купальня №8, выполненная в футуристическом стиле по проекту грузинских архитекторов И. Заалишвили и Д. Каджая, относится к самому позднему периоду застройки Цхалтубо. Нынешнее ее состояние – руины, вряд ли подлежащие восстановлению.

Поражает архитектурный размах и явно соревновательное величие строений: самой знаменитой здравницей слыл гигант «Шахтер», далее следовали санатории «Тбилиси», комплекс Министерства Обороны (ныне Legends Tskhaltubo Spa Resort), «Сакартвело», «Дружба», «Имерети», «Медея», «Гелати», «Металлург», «Саванэ» и другие. «Шахтер», впечатляющий своим масштабом, считается самой дорогой среди цхалтубских здравниц, со сложной коридорной системой, роскошными интерьерами, и венецианскими окнами. Отделанный жилковатым

ный зеркально к «Шахтеру», изначально входил в его состав. Он был открыт в 1962-ом, после десяти лет строительства. Обветшалое ныне строение привлекает туристов и посетителей центральным круглым холлом с бело-снежной потолочной лепниной и давно не действующим римским фонтаном справа от парадного входа. Арочные проемы оконных амбразур над центральной лестницей открывают взгляду вид на вековые сосны и ели на заднем дворе.

Наступающая природа и дикие заросли грозят городу-призраку скорым превращением в волшебный субтропический лес, и тропинки ко многим шедеврам советского зодчества постепенно зарастают. Так, в тени разросшихся платанов теряется аллея, ведущая, пожалуй, к самому сказочному заброшенному санаторию Цхалтубо – «Медее», с восхитительными воздушными террасами и множеством свод-

и новые квадратные метры. Поднимаясь по остовам лестничных пролетов без перил, словно воспаряешь в воздухе, так как с одной стороны – колоссальная амбразура пустого окна, а с другой – черный колодец подъезда. И здесь снова преследуют все те же коринфские колонны и аркады; кажется, за ними – портал в другой мир – в то славное, претенциозное и грозно нависающее прошлое.

Строительство санатория Министерства пищевой промышленности (другое название – «Медея» или Санаторий Центросоюза) началось в 1954-ом году, в период хрущевской оттепели. Сохранив грандиозность, присущую сталинскому классицизму, здание, тем не менее, обладает визуальной легкостью: его расположение позволяет солнечным потокам проходить через сквозные анфилады фасада. Авторами проекта выступили А. Инцкирвели и Т. Поцхишвили, строительные и отделочные работы продлились восемь лет, и завершились в 1962-ом. Несмотря на некоторый отход от канонического по тем временам и во многом заимствованного у античных зодчих стиля, здание получило традиционный по тем временам зонарный вестибюль с несколько давящим потолком и мозаичным полом, равно как и традиционные «крылья». Однако, у южного фасада, за ежевичными зарослями, примостилась совершенно умильная композиция скульптурного фонтана, наполненного растительностью. Из нее словно внезапно вырастают растрескавшиеся статуи детей с отбитыми руками...

И если «Медея», стоящая поодаль от основного комплекса здравниц, несмотря на свое запустение, не оставляет гнетущего впечатления, то центральный Санаторий министерства обороны и «Тбилиси», относящиеся к более ранним постройкам, – как раз наоборот.

Архитектурный образ санатория «Тбилиси» – это монументальный сталинский классицизм, тяжелая красота парадной «испанской» лестницы, ставшей типовой для советских сооружений тех лет. «Тбилиси» был построен в 1951-ом, еще при жизни генералиссимуса, петербургскими архитекторами польского происхождения В. Олтаржевским (автором Киевского вокзала и

Ворота в парк

мрамором холл с дорическими колоннами и ресторан с тематическими фресками, однако, уступают по великолепию огромному актовому залу в римском стиле, где советская символика диссоциирует с нежнейшей потолочной росписью.

Санаторий «Иверия» в стиле сталинского ампира с мрачной смотровой башней, расположен-

чатых арок. Санаторий этот в течение многих лет является излюбленным местом паломничества для фотографов и любителей старины. Проходя сквозь покрытые остатками лазурной краски анфилады, оказываешься, как на краю обрыва, над обширным внутренним двором с бассейном, где – увы – также властвует Природа, захватывая все новые

Санаторий «Медea»

Санаторий «Тбилиси»

гостиницы «Украина» в Москве) и Б. Соболевским, крупнейшими специалистами по градостроительным проектам. Возможно, это объясняет излишне урбанистический стиль здания. Римский фасад с тремя неоготическими арками увенчан каменным вазоном, а по обе стороны от входа застыли грифоны. Нырять в обволакивающий прохладой вестибюль, несколько шагов спустя оказываешься в полуразрушенном итальянском дворике с зимним садом, пальмами и грустным маскароном.

С монументальным, несколько приземистым строением контрастирует смотровая площадка, обнесенная легким и хрупким на вид ограждением, почерневшим словно от пожара. На площадку можно попасть по осыпающимся от сырости лестницам с классическими балясинами. Сверху открывается фантастический панорамный вид на город, холмы и заснеженную горную цепь на горизонте.

Санаторный комплекс Министерства Обороны (ныне Legends Tskhaltubo Spa Resort) раскинулся в самом сердце Цхалтубо на 16 гектарах лесопарковой территории. Он создавался еще в 1947-ом году и был рассчитан на 500 пациентов и 1500 единиц персонала, в нем отдыхали Иосиф Сталин и маршал Георгий Жуков. Возможно, именно исконным предназначением для военной элиты и объясняются несколько казенные, стилизованные под кремлевский кабинетный стиль, интерьеры комплекса. Уникаль-

Санаторий «Иверия»

ность его заключается в двух аспектах: на сегодняшний день это единственный санаторий Цхалтубо, который функционирует (остальные либо находятся в заброшенном состоянии, либо густо заселены вынужденно перемещенными лицами, либо превратились в развалины, не подлежащие реставрации) и в котором в нетронутом виде сохранились первозданная обстановка и убранство: гигантская люстра из бронзы и горного хрусталя весом в несколько тонн, обстановка палат со строгой дубовой мебелью, затейливая лепнина и балясины на потолках. Реконструкция не внесла существенных изменений в первоначальную концепцию, сохранив раннесоветский облик «белого санатория» в духе резиденций Ольденбургских князей на абхазском побережье Грузии – с коллонадным центральным корпусом, скульптурами атлетов на крыше и множеством белых вазонов, разбросанных по парку. Круглое здание ретро-ресторана с мраморной отделкой объединяет вокруг себя сходящиеся звездой жилые корпуса, из ко-

торых отреставрированы только два. Остальные же, включая замшелую оранжерею с художественным остеклением, живописные веранды и пустые провалы фонтанов вполне бы могли служить планом для исторических киносъемок. Удивительно точное определение санаторию «Легендс» дал один многочисленных туристов, назвав его машиной времени...

Последний примечательный санаторий на самом выезде из Цхалтубо – «Металлург», построенный в 1955-57 гг. по проекту В. Кедиа и М. Соловьева; его отделанное травертином здание имеет наилучшую сохранность среди всех местных здравниц. Если грузинские этнические мотивы отчетливо читаются на барельефах фасада, то круглый, отделанный дубовыми панелями, вестибюль является собой великолепный образец европейского классицизма. Он окаймлен сложной системой лестничных пролетов с резными балясинами из того же дуба, а в центре – огромная хрустальная люстра в дворцовом стиле. В торцевой части «Металлурга»,

в зале бывшего ресторана – мистический воздушный эркер с панорамным остеклением, которое на закате загорается багряными лучами. Сквозь растрескавшийся каменный пол, как знак торжества жизни в этом мертвом городе, пробиваются тропические растения...

Нынешний Цхалтубо, стоящий в руинах, является собой подобно Припяти, нетронутый памятник советскому прошлому. Однако постепенно появляется надежда на спасение от тлена и вторую жизнь великолепных памятников зодчества потерянной страны: вокруг санатория «Тбилиси» и других зданий, в последние годы обретших новых хозяев, воздвигаются строительные леса, а люди, вынужденно скоротавшие в этих стенах более двадцати пяти лет, уже покинули их. Возможно, совсем скоро сбудутся чаяния горожан о возвращенном курортном рае, но несомненно одно – мы уже больше никогда не увидим этой первозданной, дикой красоты мертвого города-призрака.

ОТ ДО

Роб АВАДЯЕВ

БИЗНЕС-ЛЕДИ НАЧАЛА ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА

Имя этой женщины стало брендом, благополучно существующим и по сей день. В последние дни 1777 года во Франции родилась Барба-Николь Клико-Понсарден, также известная как Мадам Клико. Точнее, Вдова Клико. Она происходила из приличной семьи, была дочерью крупного французского текстильного фабриканта и политика из Реймса, столицы провинции Шампань, барона Понсардена – правда, бароном он стал только в старости. Муж Николя вышла в 21 год тоже за вполне серьезного человека – Франсуа Клико, сына известного винодела Филиппа Клико, благодаря которому семья была довольно состоятельной. Тот основал семейный винодельческий бизнес под маркой «Клико» еще в 1770 годах, поставляя очень доброт-

ное вино в разные страны и даже в далекую Россию. Франсуа стал продолжателем дела отца, но судьба уготовила ему очень короткий век. Через несколько лет после свадьбы он умер, оставив Николь вдовой. Ей было всего двадцать семь, в пору было подумать и о новом замужестве, но молодой женщине это было совсем не нужно. Она имела малую склонность к простым женским радостям. Настоящее наслаждение она получала от... бизнеса. Ей от медлительного и флегматичного, но талантливого мужа досталось весьма солидное наследство: торговая марка, фамильный замок, гектары виноградников и около 20 километров древнеримских катакомб для хранения вина. Но самыми ценными были полученные от него знания. Николь сразу взялась за дело. Сама носилась по плантациям, мерзла в винных погребах, проводила ночи над счетами и бухгалтерскими книгами, входя во все детали сложного винодельческого производства. И, представьте, сумела внести немало новых идей в традиционное дело производства шампанских вин. А все окружающие конкуренты предпочитали делать все по-старинке, по методикам, оставшимся еще с древности от папаша Дома Периньона. У всех вино было мутным, а она поставила задачу сделать его прозрачным. Как известно, шампанские игристые вина бродят дважды. И второй раз брожение происходит в бутылках. И открыть бутылку не взболтав осадок невозможно. Но Николь придумала хранить бутылки вертикально под углом, периодически их поворачивая по оси на четверть оборота. Для эксперимента она пожертвовала даже своим личным дубовым столом из гостиной, в котором просверлили дырки для установки бутылок под углом. Теперь осадок собирался возле пробки. Умная женщина додумалась слегка замораживать бутылки, осторожно откупоривать, вытаскивать пробку с осадком, немного доливать вина до горла и вновь закупоривать. Так мы получили прекрасное прозрачное искристое праздничное вино. А еще есть легенда про мюзле – приспособление для удерживания пробки шампанского. Оно сплетается из

мягкой металлической проволоки длиной 52 см. Шутят, что это длина подвязки для чулок самой Николь или детальки ее старого корсета. Да, она была изобретательна, умна и остроумна. А еще невероятно предприимчива. Мадам Клико нашла страну, где ее вино пошло буквально на «ура!» – это Россия. Ее помощникам и торговым агентам не помешало даже наполеоновское время вражды между странами. Они ухитрились провозить корзины с вином сухопутным путем через Кенигсберг. Правда, пересечение границ было делом нелегким и затратным – но взятки помогали поднимать любые пограничные шлагбаумы, благо в Петербурге вино шло по 12 рублей за бутылку, столько же стоил там наем квартиры на месяц, включая стол, самовар и слуг. О знаменитом «Вине Кометы» 1811 года писал Пушкин, это был легендарный напиток. Но тут случилась война 1812 года. Казалось бы, это конец всем надеждам, но мадам Николь не отчаивалась. Она порадовалась поражению Велико-го Корсиканца, как концу мучений Европы. Когда же русские войска, прогнавшие Наполеона, вошли во Францию и добрались до погребов мадам Клико, то искушение было уж слишком велико, хотя русские не были похожи на варваров, которыми пугали, а оказались приветливыми людьми, многие из которых свободно говорили по-французски. Да и князь Волконский строго следил

за порядком, не позволяя грабежи. Клико же, напротив, позволила брать бутылки в кредит, считая это инвестицией. «Пусть пьют, заплатят потом» – сказала железная бизнес-леди. И не прогадала. Русские стали закупать ее шампанское и сейчас можно купить, и с той же желтой этикеткой – когда-то она сама выбрала цвет, чтобы в рядах чужих бутылок прекрасное вино Вдовы Клико сразу бросалось в глаза. Она им гордилась: «Есть только одно качество шампанского – высшее!». И прожила она без малого девяносто лет. Правда, на свое место Клико выбрала не родственника, а самого толкового сотрудника. Так надежнее...

ГЕНИЙ, КОТОРЫЙ ВСЕ УСПЕВАЛ

Во все века рождались люди, удивлявшие современников. Они создавали инструменты и механизмы, рисовали картины, ваяли статуи, писали стихи, сочиняли музыку и разрабатывали философские концепции. Их даже считали какими-то чужаками, посланными небесами, или потусторонними силами, а может пришельцами из будущего или инопланетянами с других планет. Создавалось такое ощущение, будто им были ведомы невероятные знания и прозрения. Кого только не считали такими униками – от художника и механика Леонардо да Винчи, композиторов Баха с Моцартом и загадочного Иеронима Босха, до великих ученых Исаака Ньютона, Майкла Фарадея или Альберта Эйнштейна. Среди писателей тоже встречались гении с невероятным взглядом на мир. И одним из таких «инопланетян» был невероятный автор Гулливера, с легкостью путешествующего из макромира в микромир и обратно. Великий английский

писатель Джонатан Свифт родился в ирландском Дублине 355 лет назад в небогатой протестантской семье мелкого судейского чиновника. Говоря современным языком, в среде просвещенной городской интеллигенции. Юноша получил приличное образование в Тринити-Колледже Дублинского университета, а после из-за Гражданской войны на пару лет переехал в Лондон, где устроился литературным секретарем к дальнему родственнику своей матери сэру Уильяму Темплу, там же он получил и кров. Джонатан проявил незаурядный талант эссеиста, помогая гостеприимному хозяину в написании обширных мемуаров. Этот родственник был известным человеком, и в его доме бывали самые знаменитые и интересные люди той эпохи, включая нового короля Вильгельма III Оранского. А после, с прекрасными рекомендациями, где упоминалось его, Джонатана, знание языков и перечислены таланты, молодой человек доучился в Оксфорде, стал магистром и через два года принял духовный сан англиканской церкви, пока наконец в 1700 году не получил место служителя Собора Святого Патрика в родном Дублине. Но он часто навещает Лондон, где у него много знакомых и немало интересных дел. Ведь Джонатан уже начал активно писать, естественно, под псевдонимами. В 1702 году он получает степень доктора богословия, примыкает к партии вигов, то есть «деревенщин», и включается в политические полемики, проявив талант гениального сатирика. Но через некоторое время Свифт сдружился со знаменитым героем пьесы «Стакан воды» сэром Генри Болингброком и признал правоту тори – они остановили войну с Людовиком XIV, заключив Утрехтский мир, осудили коррупцию и пуританский фанатизм. Свифт начал печатать свои памфлеты в журнале «The Examiner». И с помощью друзей-тори Свифт получил должность декана собора Святого Патрика. Это дало ему финансовую независимость, но от большой лондонской политики пришлось отойти. Позже он говорил: «Партия – это безумие многих ради выгоды единиц». Человеком он был жестким, саркастичным и в своих насмешках

безжалостным. Свифт, кроме своих книг, нашел себя в борьбе, защищая ирландцев. Будучи влиятельным священнослужителем, он был невероятно принципиальным. Был и такой случай: Свифт, как декан, издал сообщение, что многие могилы на кладбищах заброшены, и предложил, чтобы родственники раскошелились и привели их в порядок. Если же они откажутся, то община это сделает сама, но на памятнике умершему напишет, что такие-то родственники – жлобы. Декан даже отправил такое сообщение королю по поводу умершего родственника. Король Георг II не соизволил ответить. Тогда обидная

приписка про королевскую черствость появилась на надгробии его родича. Деканом Свифт был прекрасным. И оригиналом он был невероятным, но жители Дублина его любили за заботу и трудолюбие. Одно непонятно, когда же он успел написать свои гениальные книжки про путешествия Лемюэля Гулливера? Но есть такая мудрость, что чем больше занят, тем больше успеваешь.

«Великая ирония великого сатирика. Для него сатира была не жанр, а единственная возможность поговорить с этим миром всерьез», – писал Вольтер. И все вокруг воспринимали Свифта, как жесткого сатирика и насмешника... Но как объяснить его видения о летающем острове, верную догадку о двух спутниках Марса и многое, многое из того, что мелькает в его книгах? Наверное, его своеобразной «инопланетностью».

Степан Исаакян-Серебряков и Манук на батумском пляже. 1968

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

«Человек должен любить детей, животных и цирк», – утверждал он. И за всю свою долгую жизнь ни разу не изменил этому кредо. А еще он беззаветно любил Тбилиси, на Плехановском проспекте которого прошли детство и юность его, Степы Серебрякова. И потом, спустя годы, Степан Исаакян-Серебряков с гордостью называл себя не иначе, как, по старинке, «тифлисцем». Поэтому сегодня мы с особым вниманием приглядимся к его взаимоотношениям со столицей Грузии. А откуда появилась двойная фамилия, он объяснял так: «В свое время была русификация кавказских народов: Карапетян именовался Карапетовым, Давыдовыми были и армяне, и русские... Нашу фамилию Арзатбадяны («арзат» по-армянски – «серебро») «перевели» как Серебряковы. А позже я взял для афиши более удобную для уха девичью фамилию мамы – Исаакян». Под этой фамилией он и прославился по всему миру, впервые в СССР появившись

не только на цирковой арене, но и на городских улицах с животным, которое считалось неподдающимся дрессировке. С симпатягой-бегемотом, оказавшимся не таким уж неуклюжим.

Родился будущий Маэстро манежа в 1919-м, в армянском Александрополе, ныне – Гюмри. Отец Исаак, выпускник Петербургской военно-инженерной академии, возглавлял офицерское собрание Александрополя. А его младший брат стал большевиком и, выполняя секретное партийное задание, скрывался в доме брата-офицера. Это и стало причиной трагической развязки, перевернувшей жизнь семьи. Исаак тяжело болеет тифом, а когда брат-большевик покидает дом, появляется начальник контрразведки. После долгого, напряженного разговора Исааку становится значительно хуже, никакие лекарства не помогают... Через несколько лет вдова офицера Арусяк перебирается с сыном в Тифлис, куда настойчиво зовет ее родная сестра. И грузинская столица радушно принимает их в ряды своих горожан.

Степа запоминает на всю

жизнь слепок тбилисского быта 1920-х годов – калейдоскоп колоритных обитателей дома с балконами, опоясанными большой зеленой двор. Красильщик, втиснувший в свою каморку... знаменитый рояль «Беккер» для сына. Продавец газет и дворник, то и дело затевающие потасовки. Маляр, рьяно обучающий своему ремеслу маленького сына. Доктор, «человек крутого нрава», со столь же злой кавказской овчаркой. И другой врач, лечащий весь двор. Большой партийный начальник, расстрелянный в 1937-м. Экс-матрос, «служивший на каком-то легендарном крейсере»... И еще воспоминание о тогдашней жизни города: «В те годы люди революционные праздники отмечали совместно. Особенно запоминающимися были «маевки», в это время года дни стояли теплые, даже жаркие. Обычно в поисках прохлады выезжали в Худатовский лес. Располагались прямо на свежей, мягкой траве. Веселые песни, вкусная еда, дети играли в свои игры. Домой возвращались под вечер. Не чувствуя усталости, все, и молодежь, и

Степа с мамой

взрослые, собирались во дворе, и, перебивая друг друга, рассказывали разные истории, пели, танцевали. Устав, присаживались к общему столу, выпивали на посошок, который нередко из-за пространных велеречивых тостов затягивался далеко за полночь, потом расходились по своим квартирам. Двор затихал до утренней зари».

Отца мальчику заменяет дядя Аветик, муж сестры матери. И именно он, пообещав сюрприз, приобщает Степу к двум таинствам, поразившим того до глубины души – к многоцветью-многоголосью тбилисского базара и к волшебному миру цирка. Да и прелюдия к этим событиям – волнительная для мальчугана: они отправляются в город «не на чем-нибудь, а на фаэтоне, запряженном двумя лошадьми»». У Степы голова идет кругом, до сих пор он не был нигде дальше своей улицы. А тут перед ним разворачивается такое... Вообще-то, описанием тбилисского базара нас не удивить, но то, каким увидел его и запомнил на всю жизнь творчески одаренный парнишка, дорогого стоит. Судите сами:

«Мелодичные тягучие звуки зурны и дудуки, биение ритма, игра в буйство красок – все это в миг ошеломило меня... Прямо на земле возвышались горы полосатых, темных, белокорых

арбузов и огурцов. Оглушал пронзительный как свисток визг поросят, ему вторило квохтанье кур, клекот индюшек, словно у них что-то застряло в горле... В рыбных рядах остро пахло рекой, здесь царствовал цоцхали. На нашей улице я часто видел кинто, разносивших на табахах, круглых деревянных блюдах, этих маленьких, очень нежных на вкус рыбок... Громко, на все лады, расхваливали они свой товар, сопровождая свою речь острыми шутками, прибаутками, песенками вроде: «Ах, жена моя Анет ночью душка, утром – нет...», а иногда и танцами... Мясные ряды были завалены тушами... А дальше шли ряды, где персы в светлых шапочках, похожих на тубетейки, с огненно-рыжими бородами, выкрашенными хной, торговали восточными сладостями... И над всем этим, щекоча воображение, витал аромат шашлыка из настоящей курдючной баранины, свиной вырезки, говяжьего филе».

А потом дядя с племянником приходят к невысокому деревянному зданию и, выстояв очередь в кассу, покупают билеты: «Места оказались близко от круглой, посыпанной опилками площадки, огороженной невысоким барьером. Было темновато, приглушенно звучали голоса. Прозвенел звонок, другой, и вдруг все преобразилось. Вспыхнули и заметались прожектора, откуда-то сверху грянула веселая музыка, из-за тяжелого плюшевого занавеса вышли люди, одетые в красивые одежды, отделанные золотыми пуговицами и аксельбантами, (похожую одежду я видел на коричневатых старых фотографиях, где был снят мой отец со своими родственниками-военнослужащими. Но, если честно, форма uniformистов показалась мне ярче и намного красивее).

Это был цирк! Это был тот самый заветный сюрприз, который обещал мне дядя. Предвидеть свою судьбу дано далеко не каждому, но ее поступь, ее острое дыхание люди могут ощутить, впрочем, не осознавая, что это судьба. Со мной творилось что-то невообразимое, я закатывался от клоунских реприз, кричал и просто визжал от

восторга, глядя на выступление акробатов-эксцентриков, душа уходила в пятки, и я замирал, наблюдая за воздушными гимнастами. В тот момент я больше всего на свете боялся, что они могут сорваться и упасть... Три часа пролетели как один миг. Я вышел из цирка ошеломленным, замороженным».

По дороге домой Аветик тщетно пытается узнать о впечатлениях мальчика – у того перед глазами «снова крутились гимнасты, скакали, мотая гривами, лошади, кувыркались медведи». Потом он даже ночью вскакивает, кричит, машет руками, и близкие даже начинают опасаться за его здоровье. «Однако через несколько дней я успокоился, все прошло. Не прошла только любовь к цирку, – вспоминал потом знаменитый артист о судьбоносном для него дне. – Много позже я прочитал у Ф. Феллини строки, поразившие меня точным совпадением ощущений. «В ту ночь и во многие последующие на протяжении ряда лет, – писал великий режиссер, – мне снился

Кинто. Рисунок С. Серебрякова

Степан в аэроклубе

цирк. В этих снах мне казалось, что я нашел свой дом».

Да и в 1930-х взрослеющий Степа живет интереснейшей жизнью плехановского мальчишки: Театр юного зрителя, сад «АРТО», киносеансы, куда удается проникать бесплатно... Както, «уйдя на шатало» (сбежав) с последнего урока, одноклассники попали на фильм «Крылатый маляр». И после этого «гурьбой отправились в аэроклуб». Лишь двое из них, в том числе и Серебряков, проходят медкомиссию и становятся «учлетами» (авиационными курсантами). Дома к этому относятся спокойно, и начинаются занятия в классах, на аэродроме, полеты с инструктором на «У-2», появляется настоящее «летчицкое» обмундирование. Вместо 28-ми часов обучения полетам Степан укладывается в 17, за экономию горючего его инструктор получает премию и приглашает на мороженое подопечного, получившего удостоверение летчика запаса.

Но при всем этом парень так увлекается аэроклубом, что пропускает учебу в школе и... остается на второй год в 10-м классе. Перед ним выбор: летное военное училище или школа. Он выбирает школу. И счастливое тбилиское детство перетекает в не менее счастливое отрочество. Во-первых, раз в неделю старшекласников отправляют в знаменитые серные бани:

«Родители охотно финансировали наши походы в бани, стоило это совсем недорого. Понять их можно: за неделю мы так могли измазаться, что только терпение и жесткие руки кисачей (мекисе) заставляли нас сиять, как новые монетки».

Во-вторых, при школе удается создать свой джаз-оркестр. Не осилив музыкальную школу, Степа реализует в нем свое умение играть на скрипке, как и его друзья, освоившие трубу, рояль, гитару и ударные: «Выступали в школе, на районных конкурсах самодеятельных коллективов, и, надо заметить, пользовались немалым успехом... Один из родителей, который работал заведующим клубом НКВД, предложил нам играть в его клубе на уроках танцев, причем, за деньги. Мы с радостью согласились». На первую полчку в клубе ребята изрядно подвыпили и, под утро, решили пройти по спящему городу, изображая оркестр на похоронах. Естественно, все очутились в милиции, откуда их вызволил начальник клуба, который тут же всех уволил. Оркестр просуществовал еще около года, до выпускных экзаменов.

Но еще больше, чем джаз, ребят из 26-й трудовой школы захватывает театр. Они решают поставить пьесу Бориса Лавренева «Разлом». Первым делом, ее сокращают: «Ни такого количества артистов, ни средств у нас не было». Потом добывают костюмы и реквизит, создают декорации. На Степане – режиссура и главная роль матроса Годуна, «художником был Лева Кулиджанов, он же играл боцмана. Роль меньшевика поручили Юрию Ерзинкяну». Этот «меньшевик» в будущем станет кинорежиссером «Арменфильма», народным артистом и лауреатом Государственной премии Армянской ССР. А о Кулиджанове у Исаакяна – особый разговор:

«...Вот увлеченный тбилиский юноша, эксцентричный и полностью поглощенный идеей сценического образа, прыгает и скачет на тротуаре от избытка творческих сил, а вот уже вальяжный, рано пользывший, грузный мэтр по прозвищу Спящий Лев, один из столпов отечественного кинематографа, первый секретарь Союза кинематографистов СССР, автор та-

ких картин, как «Дом, в котором я живу», «Когда деревья были большими», где в клоуне Никулине открыл драматического актера, «Преступление и наказание», «Карл Маркс. Молодые годы» и другие. В этих фильмах нет ни патетики, ни героики, а есть человеческая теплота, сочувствие к обычному человеку. У него был огромный запас гуманного отношения к людям».

А легендарный сад «АРТО», который с восторгом вспоминают несколько поколений тбилисцев, открывает Степану дорогу в спорт. Лишь только забор, правда, с колючками отделяет двор Серебряковых от этого сада, «где на летней эстраде выступали знаменитые артисты, музыканты, писатели... Мы просто перелазили через забор несмотря на то, что полоса препятствий была основательно опутана колючей проволокой. Но ни царапины, ни ссадины, ни порванные штаны не могли сдержать нас, и мы ухитрились видеть и слышать почти все выступления».

Мальчишкам везло с выступающими. Гремящий на всю страну харьковский театризованный джаз-оркестр Бориса Ренского, основатель московского Театра эстрады Николай Смирнов-Сокольский, читающий юмористические монологи, набирающий славу поэт Сергей Михалков со своими баснями... А еще в саду были рулетка, библиотека, кружок авиамodelистов, бассейн. Но главными для

Рядовой Красной армии С. Серебряков

Выстрел в бюст вождя.
Рис. С. Серебрякова

Степы становятся спортивные кружки.

В течение нескольких лет он занимается плаванием, водным поло, теннисом, мотоспортом, гимнастикой, а акробатика приводит его на... Красную площадь в Москве. Летом 1938 года там проводят Всесоюзный спортивный парад. Из 40 с лишним гимнастов в делегацию Грузии отбирают 16 человек, в том числе – Серебрякова. И вот с трибуны Мавзолея вождь аплодирует землякам. И они после парада еще два раза выступают на стадионе «Динамо» для тех, кто не попал на Красную площадь. И мог ли Степа тогда предположить, что через пару лет он будет стрелять в... изображение человека, в лицо которого вглядывался на параде!

Это происходит в 1940-м, когда он уже служит в армии. Сначала – в Наро-Фоминске, под Москвой. И там, на учениях, спрыгнув с танка, он ломает ногу в стопе. Кости срастаются неправильно, уже в московском госпитале их ломают и заново накладывают гипс. А через месяц – 28-дневный отпуск домой. Тут уж родственники по-тбилиски «подсуетились», и парень остается с ними – рассылным в военкомате: «Это ли не счастье служить здесь, носиться по Тбилиси на мотоцикле, который я купил за баснословно низкую цену у одного знакомого»...

И вот, в одно воскресное утро, дежуря по военкомату, начинает чистить наган. Закончив, вставляет в барабан патрон, тут звонит знакомая девушка. Назначив на вечер свидание, Сте-

пан снова берет оружие. Про патрон в барабане забыто, а ствол случайно направлен на стоящий в углу гипсовый бюст Сталина. Выстрел – и «грозная власть разлетелась в куски». От ужаса святотатец действует быстро и безошибочно. Родственник подсказывает, где продаются бюсты вождя. Парень, отец которого связан с криминальным миром, за пять рублей продает патрон... И только потом становится по-настоящему страшно: Степа был в двух шагах от повторения судьбы своего дяди.

Тот работал землемером, был арестован и умер в лагере под Вяткой, а его начальника расстреляли. Когда Степа встретился с двумя его освободившимися сокамерниками, те в один голос воскликнули «Это он!» Оказывается, над койкой дяди висел портрет племянника, перерисованный лагерным художником с присланной с воли фотографии, и Аветик всем объявлял: «Это мой сын!» А во время «хрущевской оттепели» Степану удается в архиве КГБ увидеть дело дяди. Того «взяли» по доносу: на границе между двумя колхозами он на карте «намеренно поставил кляксу, чтобы поссорить эти два хозяйства». Донос написал его расстрелянный начальник...

А потом – война. Рядовой Серебряков оказывается в Севастополе, старшим адъютантом командующего армией, Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Степана Черняка. Его служба далека от штабной тиши: «Работа в штабе чередовалась с выездами на передовую, туда, где погибали товарищи по оружию». Генерал много времени проводит на передовой, Степан – с ним рядом и однажды, при артобстреле, спасает ему жизнь. В благодарность Черняк дарит трофейный пистолет «Вальтер». А лично от главкома войск Северо-Кавказского направления маршала Семена Буденного за важное донесение, доставленное с риском для жизни, – орден Красной Звезды.

Весной 1942-го немецкие бомбы разносят штаб армии, где проходило совещание. Серебряков иссечен осколками, ноги не работают. Выбравшись из-под трупов, рискуя попасть к немцам, среди огня и крови, он

упорно ползет в сторону своих. Доползает, но врачи сомневаются, что он выживет: потеряно много крови, началось заражение 13-ти (!) ран, лежать можно лишь на животе. И тут медики предлагают жуткое лечение, которое использовали еще в войнах XIX века. Выдержать этот народный метод могут единицы – для очищения ран на них накладывают примочки из соли. Степан выдерживает адскую боль и идет на поправку.

Его отправляют домой, из Орджоникидзе он шлет теле-

граммы: ранен легко, но... перевозить его можно только на грузовике. Поезд или легковушку он не выдержит. Приезжает двоюродный брат, работающий на Тбилиском авиационном заводе. Он заявил начальству, что поедет, даже если его отдадут под суд. Начальник чисто по-тбилиски ответил, что до суда дело доводить не следует, а надо просто взять грузовик. И вот – «улица Плеханова, где был знаком каждый камень, каждый дом». В подъезде своего дома Степан теряет сознание от боли...

Через восемь дней – вновь госпиталь, операция по удалению осколков костей из тазобедренного сустава. Потом, к изумлению врачей, от хромоты не остается и следа. Но на всю жизнь

С обезьяной Доней в эфире телевидения

потеряли чувствительность три пальца на левой руке, а рядом с седалищным нервом остался осколок. В общем, Степана признают инвалидом первой группы и назначают «довольно высокую пенсию – ее хватало ровно на неделю. Нужно было переходить на гражданские рельсы».

На этих самых «рельсах» приходится зарабатывать по-разному. Степан пробует себя в различных видах неофициальной «коммерции» и даже шьет босоножки: «Вооружившись трафаретами, красками, я, не стесняясь, слизывал чужой рисунок, состоящий из разноцветных линий, раскрашивал полотняный верх – и выглядело это, как чудо модельной обуви...» Здесь помогает давнее увлечение рисованием, оставшееся на всю жизнь. А с годами он освоит еще и художественную чеканку. Да так, что многие будут принимать его работы за старинные произведения.

Он женится на девушке, с которой был знаком несколько лет, но «по-настоящему разглядел» на дне рождения общей подруги. «Как тогда говорили, мы «ходили»... Период активного хождения и неопределенности длился четыре года». А потом они проходят мимо ЗАГСа, он предлагает расписаться, она соглашается, знакомые опять чисто по-тбилиски помогают оформить документы. Они проживут вместе больше полувека... В 1948-м, по настоянию врачей, они едут отдохнуть в Гагра. И там Степану вскоре предлагают место культмассовика в доме

отдыха творческих работников. Так за три года он знакомится с тогдашними «столпами» советской литературы Михаилом Лукониным, Константином Финном, Федором Гладковым, Василием Ажаевым...

А потом – судьбоносная встреча с троюродным братом Левой Айказуни. В 1937-м они вместе восхищались в тбилисском цирке американцами, гонявшими на мотоциклах по отвесной стене. Лева стал именно таким гонщиком, гастролировал по стране и, приехав в Тбилиси в 1951-м, предлагает Степану поехать с ним на гастроли по Сахалину. Через Владивосток. И вот владивостокская газета пишет: «Никто из зрителей, любовавшихся замысловатыми выражениями смелых, уверенных в себе людей, не подозревал, что один из гончиков – новичок. Сказалась, конечно, всесторонняя спортивная подготовка Серебрякова, умение с юношеских лет ладить

с мотоциклом. А также смелость, которой ему не занимать».

Через два года Степан уезжает в Москву сдавать экзамены на заочном отделении Всесоюзного юридического института. И ездит по стенам до тех пор, пока его не вызывают к худруку «Союзгосцирка» Евгению Кузнецову. А тот огорошивает: в Ереване создается армянский цирковой коллектив, и Серебряков рекомендован руководителем аттракциона с животными. Почему? Доказал, что он человек смелый, по национальности армянин, есть художественный вкус, да и «фигурой не подкачал». Как Степан ни отказывался, цирковые друзья все же уговорили его согласиться. Правда, фамилия должна была быть армянской, и он выбирает фамилию матери. Так в 1958 году рождается дрессировщик экзотических животных Исаакян-Серебряков.

Поначалу у него – лишь попугай, сонливые удав и пара крокодилчиков. А в итоге, во всемирно известном аттракционе – обезьяны, айсты, зебры, антилопы, крокодилы, удавы, южноамериканские попугаи, цапли, австралийские и китайские утки... И у всех свои роли в настоящих спектаклях, а лучшие среди них – бегемоты Манук и Шаман. Особенно Исаакян любил 300-килограммового, умнейшего и поистине одаренного бегемота Манука (Малыша на армянском), с которым проработал почти всю жизнь в дрессуре, дал 10 тысяч спектаклей в Союзе и других странах, запросто гулял по улицам. Но были, конечно, и чрезвычайные ситуации.

В Ялте директор цирка попро-

«Айболит на арене». Слева – Ю. Никулин, справа – С. Исаакян-Серебряков

Чеканка работы С. Исаакяна-Серебрякова

сил выступить в день приезда, а бегемоту перед ареной положено сутки отдыхать в воде. Разъяренный Манук отправил Степана на три месяца в больницу: «Все думали, что я сдам его. Нет. Помирились!» После происшествия у Манука началась настоящая депрессия. И, помирившись, они проработали еще 18 лет, вместе с еще одной «фавориткой» – шимпанзе Доней. А в Москве на арене Исаакян играл роль Айболита (Бармалеем был его друг Юрий Никулин) и уронил резиновую маску с бородой и усами в пасть Мануку. Пришлось лезть в эту самую пасть и там, между страшными клыками, в темноте надевать маску. И Манук ждал, хотя, почувствовав что-то на зубах, бегемот должен захлопнуть пасть...

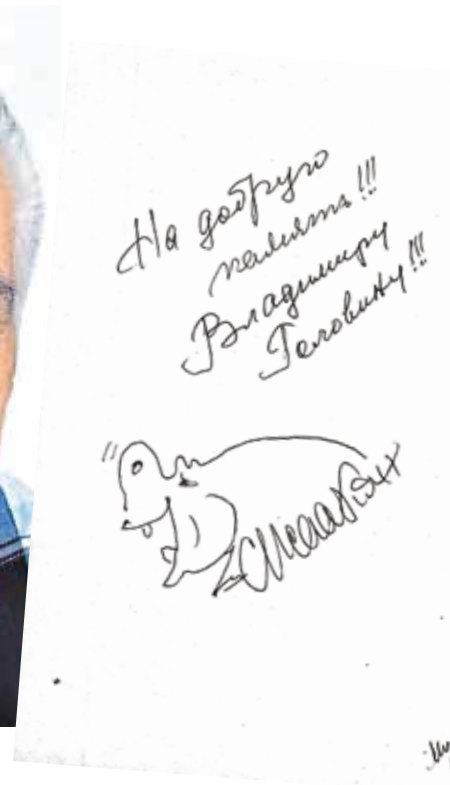
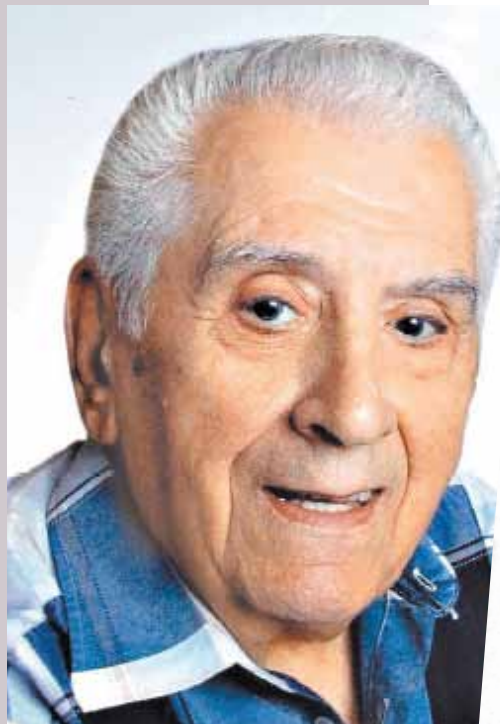
Разъезжая по городам и весям, Исаакян при первой возможности стремился в Тбилиси, где его уже ждали, узнавая о приезде из афиш. Приехав в начале 1970-х, он выходит за сигаретами из квартиры жены в районе Сололаки. На улице его сразу узнают и приглашают «пропустить по стаканчику» в «Стелле» (ныне сад Дома актера). Там переучет, и все отправляются в ресторанчик над Курой, оттуда – за город, в «Белый духан», затем – в «Интурист» на проспекте Руставели.

И все это – под лозунгом: «Мы – свободные люди!» Когда около пяти утра Степан пытается что-то объяснить жене, то слышит в ответ: «Я что, с Марса прилетела, разве я не грузинка! Вы же свободные люди!»

Без Исаакяна и его питомцев не обходится и кино. Дети в восторге от фильмов с их участием: «Украли зебру», «Новые приключения Дони и Микки», «Путь на арену», «Под созвездием Блинецов». А какие там партнеры! Зиновий Гердт, Андрей Миронов, Савелий Крамаров, Алексей Смирнов. На студии докумен-

народного артиста Армянской ССР украшали фигурки бегемотов, которые ему дарили все. Мягкие и пластмассовые, фарфоровые и бронзовые...

В 90 лет ему, интересовавшемуся всем, что связано с родным городом, передали напечатанные в газете главы из книги «Головинский проспект». И у меня в Тбилиси раздался телефонный звонок. Исаакян просил переслать ему книгу, сообщил, что высылает свои – «Арена и жизнь» и «Мой знакомый бегемот». Нам повезло: мы оба получили книги, хотя в 2009 году почта работала,

тальных фильмов – работа с легендарным Романом Карменом. В 1990 году он передает свой аттракцион другому, но через год создает новый номер: два шимпанзе и орангутанг на равных разыгрывали с ним различные юмористические сценки. Но проходит еще четыре года – и 75-летний Степан Исаакович покидает цирк, которому отдал около 40 лет. С тех пор в течение 23 лет говорит: «В цирк почти не хожу: до сих пор тяжело, что я уже вне манежа».

Он продолжал делать чеканки: зурначи, уголки старого Тбилиси, «Белый духан»... За его часами «Зодиак» из меди и латуни тщетно охотились крупные музеи. А вместе с чеканками квартиру

мягко говоря, с переборами.

Через 8 лет Исаакяна-Серебрякова не стало. Сотни людей пришли в московский Кафедральный армянский храм Сурб Хач попрощаться с человеком, так раскрывшим секрет своей дружбы с толстокожими: «Вообще-то, шкура у бегемотов – муха сядет, они чувствуют. Мои бегемоты любили, когда я их гладил. И если я прижимал ладонь к закрытой пасти Манука, тот просто млеет от удовольствия».

...На его книгах – уникальный автограф: фамилия, сплетенная с фигурой бегемота. Как и в жизни.

Остров Гастелугаче в Стране басков

РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ...

■ Александр ЭБАНОИДЗЕ

СЕНСАЦИЯ

Промозглым, воскресным вечером, когда я корпел, обложившись книгами, появился Чипо. Вид у него был как во время футбола, когда, прорвавшись сквозь защиту, он врвался в штрафную.

– Ты сейчас про Руставели пишешь? – не здороваясь, спросил он.

– Да.

Вошел в комнату, окинул взглядом мой стол.

– Надеюсь, еще не отправил?

– А в чем дело, Чипо? – оторопел я.

Он плюхнулся на диванчик в тени торшера.

– Садись. И повесь уши на гвоздь внимания.

Я послушно сел.

Посмотрел на меня шалыми, карими глазами, перевел дух и выпалил:

– Оказывается, «Витязь в тигровой шкуре» написал не Руставели.

– Да ну тебя! – отмахнулся я. – Я не шучу. Клянусь мамой! – он даже побледнел от такого святотатства.

– Где ты подхватил такую чушь? Я только что перечитал кучу книг и статей по XII веку и Руставели – там нет ничего похожего. Только жалобы на скудость сведений. По вине церковников и тяжелых времен.

– Вот в двух словах суть дела, – Чипо пересел с дивана на стол – он обожал сидеть на столе. – Высказана гипотеза – так называется научное предположение, что «Витязь в тигровой шкуре» написал не Руставели, а царевич Демна.

– Тот самый, который устроил заговор против отца Тамары – Георгия III? – удивился я.

Чипо кивнул:

– И, покинутый союзниками, бежал ночью из замка. Демна приходился Тамаре двоюродным братом. Они любили друг друга, но, по грузинским обычаям, не могли быть вместе. Царевну собирались выдать за другого. И тогда Демна решил свергнуть Георгия и захватить престол. Тем более, что имел на него законное право. Чем кончился заговор, ты знаешь...

Про Демну все было верно, как в хрониках.

– Но при чем тут Руставели? – не понял я.

– В изгнании царевич пишет «Витязя в тигровой шкуре», где зашифрованно рассказывает о минувших событиях. Главные доказательства гипотезы – в тексте поэмы. Такое прочтение помогает понять многие темные места, сюжетные ходы, без него некоторые

фрагменты кажутся неоправданными. То есть, автор гипотезы считает, что в поэму, написанную по горячим следам событий, как раскаленные осколки, попали куски жизни. Если я правильно понял, несколько строф «Витязя» служат как бы ключом к шифру, помогают раскрыть загадку...

Я призадумался.

– Но ведь автор поэмы несколько раз называет себя по имени – Руставели.

– Ну, это просто прикрытие! Царевич был рыцарь и не хотел бросать тень на свою даму. Руставели – псевдоним. Кстати, его происхождение тоже объясняется в гипотезе.

Чипо попытался пересказать подробности прочитанной в журнале большой статьи, но запутался: по совести, с нашими знаниями трудно было оценить ее убедительность.

На следующий день, в школе мы попытались кое-что уяснить, но учительница возмущенно замахала на нас руками:

– Не приставай с глупостями, Николадзе! Что за мода – все брать под сомнение! Уже до двенадцатого века добрались – Руставели вам не тот, и царица Тамара!..

Куда больший интерес проявили к новости мои предки. Но их одолевали сомнения: они жаждали фактов. Это через восемьдесят-то лет!..

Из знакомых только тетя Лали вполне разделяла версию о царевиче Демне. Однако, по ее мнению, ей так и суждено остаться гипотезой, догадкой.

– Я очень склонна думать, что так оно и было, – сказала она. – Все это более чем правдоподобно. Но я не уверена, что когда-нибудь мы сможем твердо сказать: – Это правда!

Вот так! Понимай как знаешь. Оказывается, «более чем правдоподобно» еще не «правда»...

Я взял и вставил в недописанное письмо эту сногшибательную новость и несколько задиристо закончил:

«Саша, на этом я прерываю нашу переписку до получения ответа. А то пристаю к людям, голова пухнет от прочитанного, потом пишу-пишу, аж рука отнимается. А доходят мои письма или нет, даже не знаю. Отвечай поскорее, пока не начались экзамены,

а то потом мне будет не до тебя. Кланяйся от всех нас бабушке. И родителям в Африку передавай привет! Братски обнимаю тебя! Твой Гия».

ОТВЕТ ИЗ ЗВЕНИГОРОДА

И эти два письма я отправил «заказным». И стал ждать.

На этот раз ответ пришел неожиданно скоро.

«Здравствуй, Гия! – писал Саша. – Большое спасибо за письма. Сказать по совести, я не ожидал, что ты так быстро и обстоятельно откликнешься. Извини, что долго не писал. У нас прошел слет краеведов, за ним областная олимпиада – я делал там два сообщения и времени совсем не оставалось. По поводу твоих писем у меня несколько вопросов. Не слишком ли ты доверчиво относишься к мифам? Их нельзя рассматривать, как историю, хотя за ними и стоят определенные события. В этой связи не мог ли бы ты объяснить мне две вещи: 1. Сказание об Амирани очень похоже на миф о Прометее. Так кто из них древнее? Кто у кого позаимствовал? Греки привезли его к нам, или увезли от нас? 2. Рассказ о Медее ты прервал, когда она бежала из Колхиды. Я могу понять, что тебя не интересует ее дальнейшая судьба. Но знаешь ли ты, что в «Аргонавтике» описана погоня колхов за аргонавтами? Они догнали быстроходный «Арго». Тогда Медея совершила первое страшное преступление – заманила своего брата Апсирта на переговоры, где он был убит, не потому ли ты опустил этот эпизод? Но меня интересует не характер неистойвой Медеи, слишком кроткой и милой в твоём рассказе, а совсем другое. Судя по тому, как легко колхи догнали легендарный «Арго», у них был замечательный флот. Ведь так? Стало быть, была древняя традиция мореходства. Куда же она подевалась? Почему в дальнейшем ни в грузинском искусстве, ни в народном творчестве нет морских тем и сюжетов? Я, конечно, много на себя беру, утверждая, это так категорично, но, если ошибаюсь, ты меня поправишь. И, наконец, третий вопрос: ты, наверное, слышал гипотезу о грузинском происхождении басков – народности, живущей на севере Испании. Нет

ли у тебя каких-нибудь местных, грузинских доказательств? Сходство в языке, в предметах быта, в обычаях... Это я спрашиваю, как краевед-этнограф. Насколько я понял, предполагаемое переселение иберов из Закавказья на Иберийский полуостров произошло примерно в те же мифические времена, что и аргонавтика. По двум последним письмам вопрос один: можешь ли ты рассказать подробнее о потрясающей новости – авторстве царевича Демны?

Письма были бы особенно интересны, если б я ничего не знал о Грузии. Но ведь это не так. Хорошо хоть ты не стал пересказывать мне «Витязя» – у нас есть все пять русских переводов, из коих два я читал. Еще не хватало объяснять мне, что великая царица Тамара не имеет ничего общего с героиней лермонтовской баллады – у той совсем другой прототип. Спасибо и на этом! А вообще, Гия, постарайся не учить меня истории, а рассказать что-нибудь такое, чего я не могу вычитать в книгах или увидеть в кино. Надеюсь, тебя не обидел такой ответ на твои старания? Поверь, я очень тебе благодарен. И не только за то, что ты с готовностью откликнулся на просьбу рассказать о родине. Я боялся, что связывающая нас ниточка порвется. Теперь надеюсь, этого не случится. Так что пиши. Будь здоров! Всем привет от бабушки Нины. Саша Николадзе (Сандро)

Г. Гегечкори. Царица Тамара

Г. Гегечкори. Царь Георгий III

P.S. У нас выпал снег. А у вас?»

Вот такое письмо. Я прочитал его со смешанным чувством удивления и досады. Даже злости.

Надо же – я в книги зарылся, аж пыль в ушах, из музеев не вылажу, историчка по моей милости истеричкой сделалась, на стенку лезет: «Отстань, Николадзе!», а он – хорош гусь! Воображала и умник! Съезд краеведов!.. Ну и ведал бы своим звенигородским краем...

И вопросы подкинул с ехидцей: кто древнее – Амирани или Прометей? Откуда мне знать, кто древнее! Я при них не жил.

Или почему мы в мореплаватели не вышли? Если по списку кораблей из «Илиады» судить, морями должны были править греки, а не какая-то там Британия, где при Гомере в шкурах по лесам шастали...

От досады забросил писанину и пошел на Коджорскую, к Чипо.

Он один с мячом во дворе возился, финты разучивал. В адидасовых штанах и ботасах. Увидел меня, удивился:

– Ва-а, Гия? Становись на ворота.

Я сначала встал, но что-то не игралось. Отбил мяч подальше и достал Сашино письмо.

– На, почитай!

Чипо сходил за мячом, принес, сел на него и стал читать, шевели губами – в русском не очень силен.

Наконец, дочитал и вопрошающе поднял голову.

– Нормально? – спросил я.

– Нормально.

– Ничего себе! – возмутившись, я вышиб из-под него мяч, но Чипо не упал, а остался на корточках. – Я все свободное время на него гроблю, а он умника из себя строит... Насмехается.

– Где же он насмехается? Объясняет, что ему интересней. Или ты для себя эти письма пишешь?

– Нужны они мне!

– А если для него, учти пожелания и строчи дальше...

– Нет уж, – сказал я. – Хватит...

Понемногу стали ребята сходиться: Буду, Дудэ, Исак, Хачик. Последним очкастый Ражденушка пожаловал. Разделились и стали играть. Сперва до двенадцати. Потом еще до шести. Крику! Воплей! Го-он! Рука-а!.. Как нас соседи терпят...

В сумерках стали расходиться.

Я через чугунные узорные ворота на улицу вышел, когда Чипо меня окликнул:

– Гия, ты чего ему про басков напишешь.

– А ничего, – говорю, – не напишу. Отписался. Хватит.

Он следом за мной вышел:

– Ладно, не дури. Человек о родине хочет узнать, а ты...

– Хочешь, сам пиши. А мне надоело.

Он повис на створке ворот и стал кататься: открывать и закрывать. Ворота скрипели и лязгали в подворотне.

– А что? И напишу. Только ты, пожалуйста, не капризничай и отправь Саше со своим письмом...

На следующий день он принес в школу листик, исписанный крупным почерком.

ПИСЬМО ЧИПО О БАСКАХ

«Знаменитый ученый Н. Марр ездил к баскам в Испанию изучать их быт и язык. После поездки он написал очерк, который назвал «По пиринейской Гурии».

Знаешь, что такое Гурия? Так называется область между Аджарией и Мингрелией; этот ученый был оттуда родом. Его отец, колонист-голландец, насадил на нашем побережье первые чайные плантации. Так вот: быт и уклад жизни басков оказались до того похожими на знакомые Марру с детства, что он почувствовал себя дома. Те же кровли, те же

хранилища для кукурузы на сваях, та же форма глиняной утвари. В языке басков он так же обнаружил сходство с грузинским. Кроме десятков одинаковых слов, множество общих корней. И вот еще что: при счете почти во всех языках мира считаются десятки – шесть-десять, семь-десять, восемь-десять. Верно? В грузинском же и в баскском отсчитываются двадцатки: например, восемьдесят по-нашему не восемь десятков, а четыре двадцатки, а семьдесят – три по двадцать и десять. Не скажешь, что это очень удобно...

Замечено также сходство топонимов, т.е. названий: как ты знаешь, у нас в Грузии шумит река Арагва, а у басков – Арагоа. И там, и здесь есть Местиа, Цагери, Зугдиди, Лентехи, Напарули...

По преданию, тысячи лет назад сильное землетрясение сняло часть наших предков – иберов с места и толкнуло в путь, завершившийся на западных отрогах Пиринеев. (Пиринейский полуостров нередко называют Иберийским). Сходство наших народов очевидно, но их родство покамест не доказано. Ученые систематизируют собранные сведения, совещаются, спорят. В Грузии этими вопросами занимается академик Ш. Дзидзигури. Кстати, древнейшая форма образования грузинских фамилий -ри (Дзидзигури, Шадури, Хубулури и др.) встречается также у басков (например, Ибарури, Хубулури).

Я не ученый, но тоже считаю, что у нас с басками много общего. В тридцатых годах к нам приезжали их футболисты; можно представить, как понравилась их игра, если старые болельщики вспоминают о ней до сих пор. Ну, а грузинский футбол в моих похвалах не нуждается, и уж конечно, он не хуже баскского! Это говорю я – Иракий, по прозвищу Чипо».

Иракий, по прозвищу Чипо был слаб в русском: мне пришлось исправлять его ошибки и переписывать письмо. Но его готовность сделала доброе дело: он помирил меня с двоюродным братом – наша переписка продолжилась.

Продолжение следует

Нино Зедгинидзе

КРАСОТА СЛОВА

■ Алена ДЕНЯГА

Есть такое выражение: «Чтобы жизнь повторилась сначала, загляните в семейный альбом». В гостиной Аллы Зедгинидзе – удивительная атмосфера традиционного тбилисского гостеприимного дома. Стены увешаны портретами знаменитой мамы Аллы Георгиевны – Нино Зедгинидзе, заслуженной артистки Грузии, мастера художественного слова.

Передо мной – фамильные фотоальбомы. На их страницах отражена летопись семьи Зедгинидзе.

Отец Аллы Георгиевны, Георгий Зедгинидзе, родился в Женеве в семье врача и выпускницы

Сорбонны, преподавательницы иностранных языков. После рождения сына семья вернулась в Тбилиси. Когда Георгию (Зорику) было 14 лет, отец взял его с собой в экспедицию по борьбе с холерой. Именно тогда мальчик принял решение пойти по стопам отца. В дальнейшем он станет известнейшим невропатологом, заслуженным деятелем науки.

По окончании медицинского института в жизни Георгия Сергеевича начался удивительный период – он записался добровольцем в экспедицию, направляющуюся в Арктику.

Из мемуаров Нино Зедгинид-

зе: «Шел 1931 год. Скованный льдами «Малыгин» зимовал в Белом море. Экипаж этого ледокола прославился на весь мир спасением экспедиции Нобиле. Среди членов экипажа находился молодой судоводец врач Георгий Зедгинидзе. Так началась его дорога в большую жизнь. Он плывал на легендарном «Сибирякове», который в 1932 году осуществил фантастический переход по трассе Северного морского пути от Архангельска до Владивостока; плывал на «Сучане», был свидетелем спасения челюскинцев. Его первые научные работы посвящены тогда очень актуальной проблеме – цинге, особенностям функционирования человеческого организма в условиях северных широт. После трех лет зимовки, впервые в истории народов Севера участвовал в переписи одного из районов Чукотки. На этом закончилась романтика Севера. Много лет спустя, Георгий Сергеевич, профессор, автор многих научных работ, вспоминал о долгом полярном дне, в течение которого можно успеть так много сделать. Ведь ему всегда не хватало времени!..»

Нино Зедгинидзе, урожденная Сципио Фон Ремер, родилась в городе на Неве в 1915 году. Мать работала актрисой в драматическом театре, где ее называли «красавицей-грузиночкой». Отец, немец по происхождению, был инженером на железной дороге. После революции он был сослан, и мать с двумя дочерьми вернулась в родной Тбилиси.

– После замужества мама взяла фамилию мужа, – рассказывает Алла Георгиевна. – Окончив театральное училище при Тбилисском театре им. Грибоедова и высшие курсы специализации, много лет работала сначала в русском и грузинском драматических театрах, сыграв более двадцати ролей, а затем в Грузинской государственной филармонии. Она много гастролировала по всем, даже самым отдаленным, районам Советского Союза и по некоторым демократическим странам. Каждый ее приезд домой после гастролей был большим праздником для всей нашей семьи.

Нино Вячеславовна объездила с литературными вечерами Дальний Восток, Чукотку, Запо-

Георгий Зедгинидзе

лярье, Кольский полуостров, Мыс Шмидта, Бухту Провидения... Поистине удивительный географический охват. В ее художественные программы входили произведения Ш. Руставели, А. Казбеги, А. Белиашвили, М. Горького, А. Барбюса, Ги де Мопассана, Дж. Лондона, О. Генри, Дж. Ритчи, К. Мэнсфилда, Р. Брэдбери, Д. Гилфорда и многих других.

«Искусство слова – как будто самое доходчивое, самое обыденное, – писала актриса. – Ведь разговаривают все, выступают на собраниях, читают лекции, спорят и говорят, бесконечно говорят. Вот в том и заключается самое главное: ты стоишь на сцене, нет у тебя ни суфлера, ни партнера, ни декораций, ни музыки. Ты ОДНА. Наедине с огромным залом, и есть у тебя только голос, жест, мимика, и ты должна захватить и повести за собой незнакомого зрителя. Ведь каждый думает о чем-то своем, или устал, или раздражен, и, может быть, влюблен. А всех этих людей надо заставить поверить в твоего героя!.. До чего же сложная моя работа! А молодежь я просто люблю за непосредственность, настойчивость. Это воздух, которым я всегда дышала и дышу. Не будь этого, я, наверное, давно бы творчески увяла... Профессия! Любимая профессия, несущая радость простым людям, которые никогда в филармонических залах не бывали, для которых я – нарядная, веселая или грустная –

праздник. Можете удивляться, но это так. Я говорю с ними языком великих классиков. Я им понятна и приятна».

МЕМУАРЫ АРТИСТКИ

Отрывки из воспоминаний

Нино Зедгинидзе

В моей жизни был ТЕАТР. Начало моего образования – театральное училище. Любовь к театру и большой отрывок моей жизни – все принадлежит театру имени Грибоедова.

Мы, студенты, в течение четырех лет учились и, буквально, жили в театре с утра до ночи. Мы даже помогали на стройке нового здания своего театра. Наши педагоги-друзья, отдававшие нам и время, и знания, учили нас быть патриотами театра. Это были Ф.В. Радолин – директор училища, Е.А. Сатина – художественное слово, В. Эльснер – история искусств, А. Ридаль – мастерство актера и многие другие. Мы их слушали и подражали им, мы их любили и уважали. Брагин, Семенова, Смиранин, Врублевская, Шелехова, Сатина, Русинов, Мюфке, Осипов, Борин, Луспекаев, еще очень много имен стоит перед глазами и огромное чувство тепла к К. Шах-Азизову и И. Штенберг. Всех не перечесать. Это начало моей театральной жизни. Каждый успех театра – это успех и праздник для всех нас...

Четвертый курс театрального училища. Первый спектакль – «На дне» М. Горького, роль Наташи. Первая рецензия: «У молодой артистки прекрасный, глубокий и проникновенный голос, хорошие внешние данные». «И это все? – рыдала я, – только и увидели морду и голос. Я что, конкурс красоты проходила?» Долго не могли меня успокоить.

Вторая роль на четвертом курсе – Бальзак, госпожа Пернель (мать Оргона). Я три месяца трясла головой – входила в роль старухи. Дотряслась до хорошей оценки.

В театре играла много: Полина в «Мачехе» Бальзака, роль Нинки в «Аристократах» Погодина, Ирочка – «Простая девушка» Шкваркина, Софья в «Горе от ума», Галина в «Олеко Дундич». Впервые играла с

Павликом Луспекаевым, о чем до сих пор вспоминаю с радостью. Дальше перечислять не буду. Могу только сказать, что пресса постепенно становилась более милостивой: «Рост мастерства, присущее чувство меры внутренних переживаний и такта...»

На грузинской сцене в театре имени Марджанишвили я пробыла два года, сыграла две ведущие роли и несколько эпизодических. Получилось очень забавно. Первая роль – Тamar в пьесе Шатберашвили «Пикрис гора» («Гора дум»). Чистая, любящая женщина, молодая, красивая, ждет своего мужа с фронта и приняла его без руки, с парализованной ногой. Она его любила. Все восторгалась ее добротой и верностью, а зритель – актрисой.

Вторая роль – Ламара в пьесе Келбакиани «Достойная награда», где я в отсутствии мужа развлекаюсь, танцую, флиртую и пою. Меня очень похвалили рецензенты: «Правильное понимание образа, темперамент и изящество». А когда я выходила из театра, мне громко кричали: «Разве это женщина? Распутница без стыда и совести!» Именно тогда я поверила в свои артистические данные и... ушла из театра.

...Часто меня спрашивают, как вы работаете, как заучиваете такое количество текстов, как работаете над образом? Всегда теряюсь и отвечаю примерно так: «Мне трудно найти фразу, определяющую процесс работы. Понятие творчества, вживание в образ, идея произведения, отношение автора – это все так сложно, так глубоко звучит и так обязывает, что просто страшно становится говорить на эту тему».

Что же делаю я, обыкновенный, смертный профессионал? Сначала создаю вещь в чисто литературном понятии, так как любое произведение даже самого гениального автора при интерпретации его со сцены требует для чтения каких-то хотя бы минимальных изменений. Затем я начинаю это произведение видеть внутренним зрением и ощущать, как оно может звучать и как его должны воспринимать. Потом, лично для меня, наступает самый тяжелый период, период

запоминания текста. Я его часто повторяю, иногда вслух, чаще запоминаю глазами, где, что, даже на какой странице те или иные абзацы. А вот содержание вещи в моем мысленном изложении мне пока мешает. Когда текст немного укладывается, наступает особый период – это когда день и ночь возникают фразы, целые страницы текста и вдруг... пробел. Забыв обо всем на свете, хватаешь книгу, проверяешь забытую фразу. Работа памяти идет 24 часа, причем самое поразительное, что на какой бы строчке я ни остановилась утомившись и заснув, как только просыпаюсь, сознание включается именно с этой фразы.

В это время я вслух не произношу ни одного слова текста. Наконец, мысленно освоив весь текст, начинаю для себя выходить на сценическую площадку, т.е. произношу вслух и шаг за шагом обрабатываю вещь интонационно, шлифуя даже движения собственного тела. Начинаю видеть. И лишь потом приходит ощущение, что текст тебе уже не мешает, ты его не боишься он становится органчен для тебя. Тут уже появляется образ, ожидают герои, природа, человеческие страсти, мысли, чувства, все, чем богато данное произведение. Наверняка это не научно, но мой личный процесс складывается так. Я всегда ищу произведение, которое доходит до любого человека. Как правило, оно должно быть хорошего литературного качества. Все надуманное, фальшивое никогда не воспринимается всеми одинаково, а настоящее произведение, настоящие чувства, настоящая красота и слова всегда доходят до любого человека совершенно независимо от того сколько факультетов он закончил. Мое абсолютное убеждение, что ни в произведении, ни в его изложении нельзя врать. Может, это звучит грубо, но я уверена.

МАГАДАН

Одна из первых моих программ – «Слово и песни о крае родном». Нас пять человек: вокальный дуэт Челидзе – Моцерелия, рояль – Карло Чахрухадзе и аккордеон – Жора Исаев. Не всегда есть рояль, да и соло на аккордеоне принималось хорошо.

Первое знакомство с городом.

– Дежурная! – зову я в коридоре.

– Чего вам?

– Ключ от номера, пожалуйста.

– А у нас ключей нет. Прикройте дверь и идите. Вы не на Большой Земле, где вор на воре.

Здесь иголка не пропадет.

В городе поразила молодежь на улицах. Красивые девушки самых разных мастей и расцветок. Молодые люди – светлые, темные, сероглазые, высокие, коренастые, чуть экзотической внешности – просто глаз не оторвешь. Воскресный день. Гуляют, смеются. Молодостью так и веет в городе...

Откуда столько красивых и необычных! Вот идет явная якутка, а глаза голубые-голубые. Мои мальчики не знали, в какую сторону смотреть. Только много дней спустя нам объяснили, что это поколение детей от смешанных браков сосланных... А ведь их было очень много – писателей, музыкантов, актеров, историков..., которые провели в этом крае от 15 до 25 лет своей жизни.

В Магадане много выступлений и много встреч. Целая группа грузин, которые живут в своих квартирах или собственных домиках, работают, дружат с населением, общаются друг с другом, но ... без права выезда. Конечно, нашу группу они окружили огром-

Алла Зедгинидзе

ним вниманием. Со многими мы подружились.

В один прекрасный день стук в дверь моего номера. Входит военный. «Извините за беспокойство. Я пришел к Вам с просьбой, хоть и понимаю, что ее трудно выполнить. Понимаете, наш закрытый лагерь находится на расстоянии чуть больше 100 км от города. В нем много грузин, армян, азербайджанцев и других народов. Для нас один ваш концерт – это подарок на весь год. Правда, дорога тяжелая – мокро, грязь по колено, но Вы не волнуйтесь, мы вас отвезем на тракторе. Сделайте доброе дело. Приказать вам никто не может, а вот если сердце подскажет, поймете, как нам это нужно и не откажетесь».

Позвала я мальчиков, поговорили и решили ехать... Дорога, действительно, оказалась трудной, обстановка напряженной. Как только трактор вкатился во двор, подошло шесть конвоиров и под конвоем по территории провели нас в клуб. По дороге мы никого не встретили. Нас ввели в комнату. До концерта оставалось два часа... Принесли чайник, сахар, хлеб, банку с джемом. Нас оставили отдыхать. Гул голосов. За кулисы нас проводило человек 10 охраны, которые поровну распределились по обе стороны кулис. Огромный зал. Абсолютная тишина. В первом ряду команды и охрана. Выхожу на сцену.

Нино Зедгинидзе в спектакле «Закон гор» на сцене театра им. А. Грибоедова. 1956 г.

За мной моя команда (так я называю их в шутку). Карло сразу сел за рояль, я начала читать стихи Анны Каландадзе, «Мрава-жамиер» – тихо поют мальчики. Затем песня звучит все громче и громче. Я отхожу в сторону. Песня закончилась. Тишина. Два-три всхлипа, из глубины зала голос «Генацвале, мадлобт (спасибо) и взрыв аплодисментов.

Рассказать трудно. Час пятьдесят минут мы стояли на сцене. Песня сменялась рассказами, звучал аккордеон. Народные мелодии лились одна за другой: «Сулико», «Цицинатела», шуточная азербайджанская. Затем стихи Г. Леонидзе, И. Гришашвили, вновь аккордеон: танец с саблями Хачатуряна, грузинская песня – «Цангала да Гогона». Закончили русской плясовой. Невозможно описать реакцию зала. «Спасибо, спасибо, спасибо» – скандировали в один голос.

Спустя три часа мы, очень уставшие, но невероятно удовлетворенные в гостинице. На следующий день – отдых, а вечером наши грузины пригласили к себе домой, в большую славную семью. Собственный дом с хлебом-солью для дорогих гостей со всеми нашими соотечественниками. Тосты, смех, песни, воспоминания о Тбилиси... и вдруг слово просит военный, очевидно в большом чине:

– Хочу прервать наш чудный вечер сообщением (без улыбки),

что наша гостья, заслуженная артистка Грузии, виновна в революции, которая произошла у нас в спецлагере. – За столом молчание. Я растерялась, ничего не понимая. Мелькнула мысль – может, я что-то не то прочла?

– У нас, – продолжает он, – вчера ночью состоялось эскренное собрание, на котором сменили старосту. Дело в том, что в прошлом году приезжал оркестр Айвазяна. Мы их приглашали, но после долгих разговоров выяснилось, что музыканты три часа ехать в такой холод не будут, они могут потерять форму и вряд ли что-нибудь смогут сыграть. – Все было понято правильно. Староста был армянин. Это был хороший парень, на хорошем счету. Но сейчас ему припомнили и сказали: «Женщина, вместе с пацанами, с такими трудностями приехала, весь вечер стояла на сцене, выступала еще и улыбалась и махала рукой на прощанье. Все! Старостой у нас должен быть грузин!» И единогласно выбрали грузина. Вот что сделала наша Нино.

Это было кульминацией... Вот так к моей биографии прибавилась революция в спецлагере!

ВОРКУТА

Минус 50 градусов. Едем на шахту. Как говорят, очень далеко. Такси. За рулем плотная симпатичная женщина, с решительными интонациями в голосе.

– Да, погодка не для южанки, но Вы не волнуйтесь, все будет в порядке.

Повернулась к Диме, моему ведущему:

– Вы ей голову и лицо шарфом закройте, чтобы воздуха холодного не глотнула. О, какие у Вас унты на ногах, у нас таких нет. И шуба хороша и шапка – целая лиса!

Унты мне подарили на Чукотке, а услышав про шубу и шапку, я рассмелась. Три дня назад было не так морозно, и я вышла прогуляться около гостиницы. Меня догоняют мальчишки, обожали вокруг и кричат: «Теть, а теть, щенки когда будут?» Не знаю, за какого зверя они меня приняли, но их остроумие я оценила.

Дальше ехали молча. Иногда наш водитель изрекала: «За два часа не замерзнем. Лишь

бы машина не подвела. Морозто какой! Отопление включено, а не чувствуется. Ваш-то компаньон толстый, его-то жирок греет». Оставалось минут 30 пути, и машина встала. Водитель как зарорет: «Черт тебя подери, сука!» Явно ей хотелось сказать побольше, но сдержалась. Вылезла из машины. Минуты две ее не было, затем села в машину, внеся леденящий холод, и заявила:

– Станем поперек, чтобы за метили. Тут изредка грузовики ходят. Авось пройдут и подцепят. Ребята в беде не оставят. Но когда пройдут – вот вопрос! Часа 2-3 мы выдержим, не замерзнем!

В ответ было полное молчание. Прошло 35 минут. Нас сыпало не снегом, а какой-то ледяной крупой. Ожидание, полная бессмысленность любых предложений и полная беспомощность охватывают все сильнее. И вдруг – идет машина.

– Я же говорила, – кричит наш водитель и выскакивает из машины. Мы слышим мужской голос. Грузовик разворачивается. Нас берут на буксир, и мы едем. Подъезжаем к шахте. На дворе толпа.

– Ну заждались, идемте, идемте, кипятки готовы! Мы подождем, не спешите, отдохайте. Чайку попейте с бубликами. Печь горит, аж красная и т.д. и т.п.

Много женщин. Все в тулупах, в валенках.

Минут через двадцать я на сцене в концертном платье, в золотых туфельках. Все как всегда, только позволила себе накинуть на плечи небольшой платок. Первые несколько слов... и из зала крик: «Оденься!» Я продолжаю, а из зала повторные: «Оденься!» Я объяснила, что иначе я не могу выступать. Час тридцать минут было полное молчание. Потом благодарность и уговоры остаться. Тут вмешалась наш водитель:

– Машину еле сделали, моя смена кончается, да и телевизионная директорша их дома ждет, наказывала прямо к ней везти!

Прибыли домой к директору телевизионного центра, умной, приятной женщине, с которой познакомились после телевизионного выступления и тогда же получили приглашение к ней на

ужин.

И вот мы в гостях... Она и сын встречаются в передней (она в курсе наших дорожных приключений) и первые ее слова:

– Покажитесь.

Она внимательно осматривает меня и говорит сыну:

– Быстро принеси спирт, вату, стакан.

Протирает мне лицо, уши, шею, нос, наливает стакан спирта и спрашивает меня:

– Вы когда-нибудь пили спирт?

– Нет, что Вы.

– Тогда так – зажмите нос, выдохните и сразу залпом до конца пейте весь стакан. Это нужно! Без обсуждений и идем к столу.

Круглый, уютный стол, чудесный мальчик лет 15-16. На столе бутылка грузинского вина, вкусные домашние соленья, печеное. Шумит самовар. Уютно, тепло. Пробыли один час, с удовольствием поели. Дима даже, несмотря на свою гипертонию, выпил стакан вина. Я сижу и жду, когда начну пьянеть. Никаких признаков. Подошла машина отвезти нас в гостиницу. Прибыли. Дима спрашивает, все ли у меня в порядке. Я отвечаю, что ничего не чувствую и иду спать.

10 часов утра. Как всегда, звонит Дима. В 10.30 у нас всегда кофе в моем номере. В 12 за нами должна прийти машина и везти на два концерта – в школу и в техникум, а вечером в 8 часов концерт в общежитии. Я с трудом встаю, открываю Диме дверь, пью на ходу воду и заваливаюсь в постель. Это было все: пьяная я смеюсь и прошу, чтобы меня оставили в покое. Два дневных концерта отменили. К 8 часам я пришла в форму. Все было, как всегда, но я больше никогда в жизни не пила спирт.

МОЙ ДОМ

К нему я стремилась со всех уголков земли, куда только не заносили меня мои гастроли. Кто же ждал меня? Мама, моя сестра с мужем, дочь и, чуть позже, ее муж Гоги, затем внук и внучка, и, наконец, мой собственный муж.

Ждут, всегда ждут, когда приеду, когда уеду, что скажу, что решу в семейных заботах

и событиях. Я твердо знала, о чем бы по домашним делам ни спросили Зорика, ответ будет один: «Мне кажется, придет Люлюшка и все решит сама». Так всегда.

Я советовала, я обещала, я сердилась и радовалась и настолько болела за них душой, что каждое слово находило отклик сердца всего дома. Мне всегда хотелось для любого из домашних сделать что-то хорошее и порадовать их. У нас не принято было ссориться, старались беречь друг друга и каждый звучал по-своему...

Основная стабильность в доме – мой муж! Сколько ласки, терпения, заботы он проявлял ко всем в доме, особенно во время болезней. Кроме прямой неврологии, ему на домашних пришлось применить полный курс терапии...

В доме никто, никогда не слышал раздраженного голоса Зорика. Я никогда не смогу найти слов, чтобы донести сущность этого необыкновенного человека. Только благодаря

терпению и выдержке, он и приобрел такое «потрясающее создание», как моя особа.

...Приходят воспоминания. Может, они никому не нужны? Может, и мне не станет легче? Не знаю. А может кто-то прочтет, задумается и скажет: «Обрывки человеческой жизни». Интересно!

Часто в несчастье друзья говорят: «Если что будет нужно, позвони, скажи. Все, что в наших силах, сделаем!» Это чудесно! Но есть люди, которые понимают и, не спрашивая, спасают. Человек, мне кажется, должен прожить так, чтобы его доброта и забота, его авторитет и дружба, его влияние, его человеческие поступки (в широком смысле этого слова) принесли людям счастье, поддержку в самую трудную минуту жизни.

Каждым кусочком сердца я благодарна судьбе, что сегодня все это могу сказать друзьям, МОИМ ДРУЗЬЯМ!

Гульнара Утева-Натрадзе с учениками

МАЛЕНЬКИЕ ХУДОЖНИКИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

— Светлана СИНАТАШВИЛИ

Их часто можно встретить в старом городе, этих трогательных деток с рюкзачками за спиной — они идут гуськом или взявшись за руки, пылливо вглядываясь в дома, памятники, лица прохожих, цветы, деревья. Находят подходящую натуру, рассаживаются (если дело летом, то прямо на тротуаре) и начинают рисовать. Иностранцы туристы, увидев серьезных маленьких художников, останавливаются, любуются милыми лицами, фотографируют. Прохожие улыбаются, некоторые даже остаются понаблюдать за работой детей, заряжаясь их непосредственностью и чистотой. И, конечно, просто невозможно не обратить внимания на изумительной красоты женщину, которая мягко направляет все действия юных живописцев. Это Гульнара Утева-Натрадзе, известная казахская художница, дизайнер и стилист. А дети занимаются в ее студии — «ART-studio Gulnara».

Гульнара — грузинская не-

вестка. Живет в Грузии уже 20 лет. Интересный, многосторонне одаренный человек, влюбленный в жизнь и в Грузию. У нее свой, неповторимый стиль, спокойные манеры, неторопливая речь. Слушать ее можно бесконечно — Гульнара обладает уникальными знаниями по живописи, истории Грузии, общей истории, географии. Одно удовольствие наблюдать, как доброжелательно и уважительно она общается с детьми. О таком педагоге, честное слово, можно только мечтать!

Ученики арт-студии учатся не только рисовать, но и лепить, создавать изделия из керамики, выжигать по дереву. В числе воспитанников — и местные ребята, и приезжие, чьи родители находятся в Грузии по работе. Рабочий язык в студии — русский.

— **Пожалуйста, расскажите о себе.**

— Родилась на юго-востоке Казахстана, на озере Балхаш, где тогда работали мои родители.

ли. Окончила Казахский педагогический институт имени Абая по специальности «художник-педагог», по распределению поехала в город Каратау. В то время там не было художественной школы. Я подняла всех на ноги и создала первую детскую художественную школу, стала ее директором и проработала на этой должности 10 лет. Вышла замуж за грузина, родила двоих сыновей. В 2000 году мы переехали в Грузию. Овдовела, осталась одна с двумя малолетними детьми. Моих родителей к тому времени уже не было в живых. Надо было поднимать детей. Лучше всего у меня получается рисовать, шить, стричь волосы, создавать дизайнерские модели. Я бралась за любую работу — шила, стригла. Меня заметили. Рекомендовали в театр «Театральный подвал». Поручили создать костюмы к спектаклю «Ханума». Сшила. Понравилось. И меня взяли на работу в театр. Появились новые друзья — Кабу, Эка Андроникашвили, Нана Шония, и мы по сей день сохраняем приятельские отношения. Я делала костюмы для фильма «Хизаны Джако» по повести Михаила Джавахишвили, в театре Руставели шила костюмы для Рамаза Чхиквадзе, Гиви Берикашвили, Кахи Кавсадзе, Зуры Кипшидзе. Никогда не забуду, как Кахи Кавсадзе всячески помогал мне и всегда поддерживал. Работала у модельеров Бако Бакурадзе и

Теи Ломидзе. Сшила много интересных костюмов для грузинских эстрадных певцов. Я рада, что у меня сложилась такая интересная творческая жизнь, что я принимала активное участие в культурной жизни столицы и знакома со многими известными людьми.

– Откуда родом ваши ученики?

– География обширная. Местные дети, и это естественно для Грузии, всех национальностей – грузины, армяне, азербайджанцы, русские, украинцы, чеченцы, осетины, казахи... Если говорить о ближнем зарубежье, то это приехавшие почти со всех концов бывшего СССР, даже с Камчатки. Дальнее зарубежье – Канада, Германия, Нидерланды, Австралия, Новая Зеландия, Турция, Израиль, Египет, Иран, Мексика. Мне подарили большую карту мира, и в новой студии я собираюсь повесить ее на стену и отметить флажками все места, откуда приезжают мои ученики. Думаю, карта получится пестрая.

– А как все начиналось?

– Двенадцать лет назад, когда у меня набралось слишком много учеников, сами родители предложили не заниматься индивидуально, а создать студию. Я так и поступила. Первая студия располагалась на Серебряной улице, в старинном двухэтажном

особняке. Часто заходили гости прямо с улицы, сидели и смотрели, как дети рисуют. Гиды приводили туристов показать особняк, а заодно и нас. Можно сказать, мы стали местной достопримечательностью. Потом, когда наш особняк продали под гостиницу, мы перешли в здание 104-й армянской школы. Потом мы рисовали в студии на улице Орбелиани. Очень красивая была студия. Сейчас выставлена на торги, и мы вновь возвращаемся в 104-ю школу, на Атонели, 5. Но пленэры всегда проводим на улице.

– Вам не мешает такое внимание со стороны горожан?

– Несмотря на то, что вроде бы все нас уже знают, здороваются, спрашивают, как дела, большинство встречных все же удивляется. Нередко меня спрашивают: «Неужели это все ваши дети?» Сначала я недоумевала, но потом поняла. Внешне мы все, естественно, абсолютно разные, но у нас одинаковый взгляд – любознательный. Мы – люди искусства. Мы – художники. Этим и похожи. Дети очень любят наши походы по городу. Нам открывают все двери, пускают на закрытые этажи, приглашают в гости, рассказывают уникальные истории, и мы можем рисовать то, что другим увидеть недоступно. Думаю, нам просто везет. Каждые вторник, четверг, суббота и вос-

кресенье проходят своеобразно, интересно, и ни один пленэр не похож на другой. Вчера мы были в парке. Сегодня пойдём на проспект Агмашенебели – я хочу рассказать детям про дом с орлом. Уверена, нам откроют двери и там. Кстати, мои ученики уже прекрасно знают город, часто объясняют своим родителям, как лучше пройти куда-то, знают короткие пути через внутренние дворы и вообще – отлично ориентируются.

Если вы прочтете хотя бы несколько выдержек из дневников Гульнары, то с легкостью убедитесь: ее пленэры – больше, чем просто работа на открытом воздухе. Это изучение истории города, непосредственное знакомство с природой, людьми, интересными объектами. Как говорит сама Гульнара, важно, чтобы дети (да и взрослые!) могли увидеть красоту не на фото, а воочию, потому что это особенное чувство – «чувство сопричастности с историей».

Подходящего слова для метода Гульнары пока нет. Значит, нужно придумать. И запатентовать его. В подтверждение сказанного – несколько цитат из записей педагога:

«Мы прошли до Александровского сада, по дороге узнали, что такое «доходный дом» и «особняк». А на примере Александра Ивановича Манташева, одного из богатейших людей Тифлиса 19 века, узнали, как, каким трудом добывалось его богатство».

«А сегодня на пленэре у нас был телемост Тбилиси-Лондон. Мы встречались с нашим Саввой, который некоторое время жил в Тбилиси, рисовал в нашей студии, гулял с нами по старому городу. Уже несколько месяцев он живет в Лондоне. Но скучает по Тбилиси, по нашим пленэрам, по чаепитиям после занятий. И вот на каникулах он решил пройтись онлайн вместе с нами по любимым улицам старого Тбилиси. Савва показал нам свой лондонский дом, а еще – крокодилчика, которого купил на Сухом мосту».

«Сегодня наш пленэр проходил в прохладе и роскоши. Tbilisi Marriott Hotel. Когда-то он назывался «Мажестик». Мысль о создании этого отеля пришла тифлисскому олигарху Михаилу Арамянцу, который был одним из самых богатых людей Закавказья».

в начале XX века. Архитектором стал Габо Тер-Микелов. Здание изначально строилось с целью создать лучший отель в Европе. Так и случилось. В 1915 году гостиница «Мажестик» была удостоена Гран-При и Золотой медали в Париже».

«Рисовали в парке. Видана подружилась с бездомной собакой, у которой ампутирована нога, и нарисовала ее портрет».

«Пленэр у Башни Габриадзе. Мы сделали портрет Резо Габриадзе из фрагментов, нарисованных самими учениками. Идея была подана украинским художником Александром Прохоровым».

«Сегодня мы решили провести наш пленэр в Национальном музее Грузии. Но, когда мы уже подошли к кассе, нас огорчили, объявив, что с сегодняшнего дня вход в музей для иностранцев и для детей иностранцев стоит 15 лари. Прежде мы платили 50 тетри, и вдруг такое новшество... Мы, конечно, расстроились. Но вдруг кассир произнесла: «Мы вас хорошо знаем, поэтому сегодня возьмем с вас по 2 лари, как с местных». Спасибо и за это. Но жаль, что музей потеряет таких любознательных маленьких художников – такая цена билета

нас, часто посещающих музей, уже не устраивает. Но, в любом случае, приятно быть известными художниками. Приятно, когда узнают. И спасибо, что существует человеческий фактор. Наброски сегодня получились замечательные».

«Прогулялись на площадь Гудиашвили. Рассмотрели роспись с ангелочком Путти и все, что нас окружало. А еще заглянули в магазин с названием «Хурджин» и узнали, что так называется сумка, в которой перевозили тяжести на осликах и лошадях».

«Дворец графа Воронцова. Рисовали детали дворца и восхищались его архитектурой. Сейчас дворец на реставрации. С нетерпением ждем новой встречи с ним».

«Сегодня мы пошли в гости к японцу Ямато – посмотреть его чайный домик. Ямато рассказал нам о китайском чае, угостил двумя сортами чая и сладостями. Три часа пролетели незаметно. Мы попрощались, пообещав вернуться в ближайшее время, чтоб научиться готовить японские блюда».

«Национальная библиотека Грузии. Дети с интересом рассматривали интерьер, старинные книги и газеты. Библиотека расположена в трех корпусах в центре города, в здании бывшего Дворянского земельного банка, тифлисского отделения бывшего Волго-Камского банка и здании конторы бывшего Государственного банка».

«Сегодня решили прогуляться по Авлабару. Бродили по старин-

ным узким закоулкам, любовались гостиницами с необычным оформлением, рисовали, любовались видами города. Такая прогулка – путешествие в прошлое».

Это лишь малая часть из богатой событиями жизни педагога «ART-studio Gulnara» и ее воспитанников.

Казалось бы, художественных школ и студий по всему миру очень много. Но «ART-studio Gulnara» уникальна тем, что маленькие художники со всех концов мира, прибывая к искусству, знакомясь с биографиями и творениями великих живописцев, приобщаются при этом к грузинской культуре и вплотную знакомятся с Тбилиси. Уверю вас, далеко не все местные жители могут похвастать тем, что так же хорошо знают свой родной город, как наши приезжие маленькие служители искусства. Им повезло, они встретили истине замечательного педагога – Гульнару Утеву-Натрадзе. Она учит их не только рисовать, но любить и дружить. Да, многие из юных художников находят в Грузии временно, проездом, но любовь к Тбилиси останется с ними навсегда. Где бы они потом ни жили, кем бы ни стали, они всегда будут чувствовать свою причастность к этой стране, ее искусству, истории, людям и, наверное, используют любую возможность, чтобы посетить знакомые места и пройтись по переулкам своего детства.

Анна Микадзе-Чикваидзе

ЖЕНЩИНА В АВАНГАРДЕ ГРУЗИНСКОГО СЫРОДЕЛИЯ

■ Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

С главой Гильдии производителей сыра Грузии и организатором фестивалей «Грузинский сыр» и «Кавказский сыр» Анной Микадзе-Чикваидзе я познакомилась на одной из конференций, в рамках которой проводилась выставка-продажа продукции, произведенной женщинами-предпринимателями. Женщина, стоявшая за столом у стенда с множеством сортов сыра различных форм, оказалась интересным собеседником, охотно отвечавшим на вопросы. Одета она была не по-председательски скромно, и было заметно, что тяжелый деревенский труд ей совсем не чужд.

«Знаете, оказывается не всегда плохо терять работу. Раньше я работала над внедрением информационных технологий в Грузии, интернетизацией страны, и меня называли «Электронной Анной», сейчас у меня появилось новое прозвище – «Анна-сыродел», – с улыбкой сказала она. Почти двадцать лет назад, оставшись без работы, Анна стала искать новый источник дохода – она многодетная мать, и ей нужно было как-то кормить семью. В один прекрасный день познакомилась с женщиной, которая из сыра сулгуни делала различные фигуры. А. Микадзе-Чикваидзе тут же помчалась к своему педагогу, координатору Этнографического музея Грузии Тамиле Цагареишвили, и спросила, каким образом в стране с древнейшими традициями животноводства производится только четыре сорта сыра: сулгуни, гуда, имеретинский и т.н. «заводской». Цагареишвили одолжила Анне книгу о сортах сыра, издревле производимых в Грузии, посоветовав ученице глубоко не вдаваться в данную сферу. «Это непролазный лес, и ты в нем потеряешься. К тому же, сыроделы – люди с непростым характером, если им что-то не понравится, за словом в карман не полезут», – предупредила Тамиле. Ночь напролет А. Микадзе-Чикваидзе читала эту книгу, и под утро у нее появилась идея, ставшая проектом со сложным названием «Позиционирование грузинской хозяйственной культуры – грузинский сыр», который ныне известен широкой общественности как «Фестиваль сыра».

С того дня начался мучительный процесс поиска финансов для воплощения замысла. Анна даже продала машину и маленькую квартиру, чтобы получить какой-то стартовый капитал. Сейчас-то все знают, что в Грузии существует много сортов сыра, а тогда, почти двадцать лет назад, в это никто не верил и средств на проект выделять не хотел. «Когда я говорила, что в Грузии существуют такие сорта сыра, как мотали, тенили, чоги, дамбалхачо, калти, мне говорили: «Ты что, ругаешься, что за слова произносишь?!» Я отвечала, что все эти сорта пробовала лично, и они уникальны по своим вкусовым качествам, но, конечно, мне никто не верил, кроме тех людей, которые эти сыры производили.

В поисках древних сортов

сыра она объездила все регионы Грузии, неделями жила в домах крестьян, изучая технологию изготовления продукта, и распленила, так как ела много сыра. Под конец, Анна решила, что самым лучшим способом познакомить потребителя с продуктом станет организация фестиваля сыра, но, опять-таки, мешало отсутствие финансов. К счастью, именно в тот период, в 2010 году, в Грузии проводился 33-й Всемирный конгресс виноделов. «Кто-то из организаторов мероприятия вспомнил, что одна сумасшедшая женщина бегает и всюду рассказывает о грузинском сыре. Оргкомитет конгресса принял решение вставить «Фестиваль сыра» в программу этого масштабного международного форума, и нам выделили небольшую площадь в Сигнахи», – вспоминала Анна.

В Сигнахи приехало много делегатов конгресса, но никто из них не выходил из автобуса – иностранные виноделы говорили: «Какой еще «Фестиваль сыра»? Мы же в ресторане видели, у вас всего-то четыре сорта сыра». Вышли только члены делегации Израиля. Они попробовали буйволиное мацони, потом сыр тенили и в полном восторге вернулись к автобусам – звать своих коллег. На следующий день на одном из центральных телеканалов выступил винодел из Франции и сказал: «Знаете что? Я просто испугался, когда увидел такое количество сыра с великолепными вкусовыми качествами. Почему же в ресторанах нет этой продукции? Грузия, кажется, не только родина вина, но и родина сыра!» Эта фраза так окрылила Анну, что, по

ее словам, с тех пор она «летает» и ищет особые сорта сыра. На сегодняшний день зафиксировано несколько десятков рецептов изготовления сыра, и появляются все новые, ведь в Грузии очень любят этот продукт и буквально все заедают сыром, он хорошо продается и является достаточно серьезным сегментом экономики государства.

Сыр – такой материал, из которого можно слепить изделие любой формы, например, сыр в форме лодки или кораблика. «В Самегрело живет человек, который изготавливает пивные кружки из копченого сулгуни. Знаете, какое это удовольствие – одновременно пить холодное пиво из такого стакана и заедать сыром», – говорит Анна.

В общем, «Фестиваль сыра» удался, и теперь он проводится в Грузии ежегодно (исключением стал только период пандемии). Кроме того, начали проводить и фестиваль «Кавказский сыр» с участием сыроделов из соседних стран. По словам А. Микадзе-Чикваидзе, наряду с исконно грузинскими сырами, например, сулгуни или тенили, существуют и такие сорта сыра, которые можно считать «общей собственностью» как народов Северного Кавказа, так и Азербайджана, Армении и Грузии. К их числу принадлежит сыр чечили – раньше он был обязательным атрибутом пастухов, которые носили его за спиной в кожаном бурдюке.

«Фестиваль сыра»-2022

Фестиваль 2022 года отличался от предыдущих тем, что прошел после борьбы с пандемией.

По словам Анны, в таких непростых условиях, если фермеры еще находят в себе силы принять участие в выставке, а парк Мтацминда бесплатно предоставляет пространство для мероприятия – уже большое достижение. В Грузии пользуется популярностью «Фестиваль вина», ставший уже классикой и имеющий богатые традиции: в нем принимают участие более 400 виноделов. Вот и «Фестиваль сыра» должен «выйти на эту высоту». В отличие от виноделов, сыроделов, к сожалению, народ небогатый: бизнес сыропроизводства, с точки зрения продажи продукции, пока еще не так развит в стране, как виноделие. Качество сыров – отличное, но фермерам нужна возможность для реализации своих продуктов. Именно этой цели и служит фестиваль – лучшая площадка для налаживания контактов между потребителями и фермерами. Кроме того, с продукцией сыроделов напрямую знакомятся представители сектора HoReCa (hotel/restaurant/cafe): шеф-повара, рестораторы, потребители-гурманы. Люди уходят отсюда с полными пакетами различных сортов сыра, запасаются на 3-4 недели, потому что знают – завтра они не смогут купить их в магазине, ведь некоторые производители выпускают всего по 100 килограммов продукции. «Постоянно появляются новые участники, которые сами проявляют инициативу и привозят продукцию – нам не нужно обзванивать и уговаривать приехать на фестиваль. Эти люди уже хорошо знают цену нашей выставке и понимают, что он служит толчком

для развития их бизнеса. Например, как рассказывает Анна, «приехала группа молодых сыроделов, которые начали производство всего два месяца назад. Их обуревали сомнения: «У нас 200 килограммов сыра, сможем ли мы его продать?» К концу дня у них не осталось ни грамма. Во время ярмарки на площади Орбелиани покупатели все смели с их прилавка, а сейчас они уже ищут поставщика молока, спрос на продукцию возрос настолько, что своего молока просто не хватает». По ее словам, в мероприятии также участвуют предприниматели, которые больше не нуждаются в раскрутке бизнеса, они давно прочно встали на ноги, но считают себя обязанными присоединиться к мероприятию, ведь во многом благодаря ему они смогли выстроить успешный бизнес.

На каждом фестивале обязательно устраивается мастер-класс по изготовлению различных сортов грузинского сыра: на глазах посетителей сыроделы варят сыр и предлагают всем желающим вместе со свежеспеченным хлебом шоти. Именно так отечественные гурманы узнали, как производятся такие виды сыра, как тенили или сулгуни.

На фестивале-2022 было представлено тринадцать участников, производящих продукцию под знаком «Грузинское молоко». «Этот знак – наше с вами спасение. Организация, выдающая знак, контролирует, чтобы сыр производился из цельного пастеризованного молока. Если продукция произведена из молочного порошка или растительного жира, она этот знак не получит. Предприятия с подобным знаком гарантировано производят сыр в полном соответствии с международными стандартами», – подчеркнула Микадзе-Чикваидзе.

«Археология грузинского сыра»

На фестивалях Анна всегда выставляет образцы древней глиняной посуды, с помощью которой наши предки изготавливали сыр. По ее словам, «возраст» посуды достигает нескольких тысяч лет, что еще раз доказывает особую историческую роль Грузии в вопросе производства сыра. Однажды она обнаружила в Национальном музее Мцхета посуду круглой формы с небольшими отверсти-

ями на дне – типичную емкость для изготовления сыра, на которой даже есть специальный изгиб для сливания сыворотки. И этой глиняной посуде 2800 лет! Анна обомлела от восторга, и археологи, работающие в музее, завели ее в хранилище и показали большой глиняный сосуд для сыра – «дерги», который насчитывает 80 (!) веков. После того она решила сделать точные копии этой посуды, а на сегодняшний день у нее собрано уже до 50 глиняных артефактов. Данная посуда много раз выставлялась на фестивалях, эту мини-экспозицию Анна условно назвала «Археологией грузинского сыра». Выставка важна тем, что знакомит людей с бытовой культурой страны. «У нас 80-вековая история производства сыра, это реальность, а не легенда. Поэтому я использую любую возможность, чтобы донести нашу историю до людей», – подчеркнула А. Микадзе-Чикваидзе.

Сыр с водой «ведза»

В мире давно существует практика защиты продуктов питания по «географическому указанию». Этот термин используется для обозначения товаров, специфическое качество или репутация которых обусловлены конкретной местностью. Выпуск такой продукции ограничен пределами отдельно взятого региона какой-либо страны, соответственно, объем товара невелик, а стоимость на порядок выше идентичной продукции серийного

производства. В результате исследования старинных технологий производства отечественных сыров Анной были выявлены новые виды продукта, и на сегодняшний день в Национальном центре интеллектуальной собственности «Сакпатенти» зарегистрировано 14 сортов, среди которых – чоги, тенили, сулгуни, гуда, дамбалхачо и др. «Спасибо руководству и сотрудникам «Сакпатенти», – говорит Анна, – которые буквально «преследовали» меня, заставили принести необходимую документацию и зарегистрировали отечественные сорта сыра. В документах указан температурный режим, рецептура изготовления, свойства конкретно взятого сорта. Хорошо, что мы зарегистрировали тенили как отечественный продукт, ведь некоторые наши соседи, не буду называть, внесли его в собственные каталоги, как свой аутентичный сыр».

Очень показателен рассказ Анны об одном сыроделе, который высоко в горах производит сыр с уникальными вкусовыми качествами: «У нас есть сыродел, мохевец, который изготавливает большие головки сыра. Я его в шутку дразнила, говорила – разве какой-нибудь мексиканец не сможет изготовить такой же сыр, как у тебя? Он разозлился и очень серьезно ответил – не сможет, у него нет ведза! («ведза» – название кислой минеральной воды, которая течет только в этой местности). Его ферма расположена прямо у истоков Терека,

Мастер-класс по варке сыра на «Фестивале сыра» в парке Мтацминда

в ущелье Трусо, там же течет другая река – Суати. Между этих двух рек протекает сорок ручьев. При изготовлении сыра наш мохевец использует кислую воду то из одного ручья, то из второго и третьего. А фраза «у него нет ведза» означает, что иностранный фермер, даже имея точную рецептуру, не сможет произвести подобный сыр без воды из ущелья Трусо. Окружающая среда, чистейший воздух, трава – все воздействует на молоко, из которого производится сыр. Как терруар имеет огромное значение при производстве вина, так и трава влияет на вкусовые качества молока. Свое влияние на продукт оказывает также порода коровы, ее ресурс. Надо иметь в виду и то, что сыр производится не только из коровьего молока, но и козьего, и буйволиного. В этой связи особо следует отметить изготовленные из смеси нескольких видов молока сыры чоги. Многовековые традиции местного сыроделия – неисчерпаемый кладезь знаний. Грузинское сыроделие нуждается в поддержке, поскольку мы очень отстаем от вина в вопросе «раскрутки» продукции на международном рынке. Точно так же нужно работать и над популяризацией грузинских меда и чая. В нашей хозяйственной культуре множество тем, к которым необходим серьезный подход. Такие одержимые энтузиасты, как я, которых ничего другое не интересует, работают над популяризацией продукции, но нам нужно содействие».

Артизанский сыр для гурманов

«Я – большой лоббист артизанского сыра (от франц. слова «artisan» – «ремесленник»). Артизанские продукты (хлеб, сыр, шоколад и др.) производят вручную, из натурального сырья, без использования добавок; эта продукция особо ценится потому, что создается по особой рецептуре, в небольших количествах, в естественной среде, пусть с нарушением некоторых норм, но потребитель-гурман выбирает его из-за необычных вкусовых качеств. Такие сыры имеют статус памятника нематериальной культуры и могут быть завезены в любую страну без строгого контроля безвредности продуктов питания», – отметила Анна.

В Италии, в маленьком городе Бра, ежегодно проводится «Фестиваль сыра из цельного, непастеризованного молока», где принимают участие до четырехсот фермеров. Они производят продукцию по старинным традициям, их сыры на протяжении многих лет сохраняют характерные вкусовые качества. Несмотря на то, что фермеры строго соблюдают санитарно-гигиенические нормы, иногда там тоже сталкиваются с проблемой содержания в продукции кишечной палочки – поскольку артизанский сыр изготовлен из непастеризованного молока. «На том фестивале мне все-таки понадобилась «скорая» из-за интоксикации. Любопытный нюанс: я привезла туда в подарок грузинские сыры

из пастеризованного молока, и мне вернули их обратно, даже не попробовав!», – с улыбкой вспоминает Анна.

Палец в молоке

По словам А. Микадзе-Чикваидзе, молоко – самое «чувствительное» сырье, на которое действуют любые малейшие изменения среды. Опытные сыроделы знают, какого бережного отношения оно требует: перед доением у коровы обязательно моют вымя, а бидон, в который налили молоко, кладут в холодную воду, чтобы не произошло быстрого размножения бактерий. Молоко меняет свойства в десятые доли секунды, оно «живет» только 72 часа, затем начинает скисать. «Один из моих учителей, Томас Грант из США, опустил свой палец в емкость с молоком, чтобы проверить температуру продукта. Из этого молока должны были произвести сыр, и он потом целый год умолял меня положить эти сыры на отдельную полку, чтобы проверить, какое влияние оказало на продукцию его действие. «Сыры обязательно должны были изменить свои свойства, ведь я окуснул в молоко палец», – говорил он. Я, конечно, немного утрирую, но рассказываю эту историю для того, чтобы показать, насколько чувствительным продуктом является молоко».

В самом начале проекта «Грузинский сыр» швейцарский сыродел Матиас Ламп сказал: «Анна, с какой стати вы вообще делаете фестиваль, у вас ведь всего три вида сыра – «salt cheese», «very salt cheese» and «very very salt chesse» («соленый сыр», «очень соленый сыр» и «очень, очень соленый сыр»)). «И вот, после стольких лет кропотливого труда, когда нам удалось спасти от забвения древнейшие традиции грузинского сыроделия, у отечественного сыра появилась международная пресса – репортажи на таких известных платформах, как Би-Би-Си и «National Geographic». Согласно опросу газеты «New York Times», проведенному пять лет назад, «Фестиваль грузинского сыра» был назван в числе 53 обязательных к посещению мероприятий по всему миру. Это самое большое признание», – подытожила глава Гильдии производителей сыра Грузии Анна Микадзе-Чикваидзе.

НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

■ **Юлия ТУЖИЛКИНА**

Казахская культура в гостях у Грузии – театр «Астана Балет» недавно впервые побывал на гастролях в Тбилиси. В течение двух дней на сцене Тбилисского театра оперы и балета сверкали и переливались краски Азии: выступал многожанровый казахский балет в сочетании с народными мотивами.

Театр «Астана Балет» был основан в 2012 году, а спустя год представил первый гала-концерт, который покорило публику своей искренностью, любовью к национальной культуре и современными тенденциями танца. Сейчас у театра тысячи поклонников по всему миру.

«Мы всегда хотели вы-

ступить в Грузии, – говорит директор театра Александр Совостьянов, – давно планировали поездку в Грузию, но нас держала то пандемия, то еще какие-то обстоятельства. Мы знаем про большие культурные традиции в грузинском балете и стремились выступить именно на первой сцене грузинской столицы – сцене Тбилисского театра оперы и балета. И вот – все сложилось. Нам очень важна оценка искушенной грузинской публики, не одно поколение которой воспитано на прекрасном балетном искусстве. Надеюсь, что культурные связи между театрами балета Грузии и Казахстана будут долго и плодотвор-

но развиваться».

В программе гастролей было сразу три представления. В первый день показали современный балет в постановке главного балетмейстера театра Мукарам Авахри по мотивам пьесы Оскара Уальда «Саломея», где в основе заложен библейский сюжет, а также одноактный балет «Медленный огонь» в хореографии Рикардо Амаранте. Второй день гастролей был полностью посвящен национальной культуре танца – «Астана Балет» показал «Наследие великой степи», представление, которое стало визитной карточкой театра.

Нурлан Канетов, художественный руководитель театра

Ирен Голицына

«Астана Балет», так говорит о жемчужине казахской культуры: «Национальный дивертисмент «Наследие Великой степи» в постановке заслуженного деятеля Республики Казахстан Айгуль Тати – это уникальный сборник танцевальных миниатюр, в котором гармонично сочетается и этнографический материал, и современная хореография. И при этом сохраняются ощущение характера, традиций казахского народа, и неповторимое своеобразие национального танца».

Кочевой быт, обряды, безграничные степные просторы, сражения и любовь – все эти темы нашли отражение в танце. В каждой миниатюре восхваляется молодость, нежность, азарт. А особой линией проходят храбрость, отвага и открытость национального казахского характера. Эти образы дополняют невероятные декорации с причудливыми красками Азии и совершенно воздушные наряды.

Айгуль Тати, хореограф театра «Астана Балет», подчеркивает, что в программу «Насле-

дие Великой степи» вошли все национальные танцы разных стилей и характеров: «В этой программе видны разные почерки балетмейстеров Казахстана. Конечно, это наша природа, наша духовность, которая очень тесно связана с природой, с пониманием нашей духовной жизни. В «Наследие Великой степи» включены разные образы: девичьи танцы, мужские, парные. Мы собрали самые любимые казахским народом танцы. И куда бы мы ни ездили, эту программу – нашу визитную карточку – везде с восторгом принимает зритель. Помимо национальной хореографии и разного почерка стилей, надо отметить, что над образами работали разные художники по костюмам. И потому костюмы у нас как народного плана, фольклорного, так и стилизованные. И, конечно же, большую роль играет музыка. Без музыки мы никуда, она имеет главенствующий характер. Мы подбирали разных композиторов, в нашем репертуаре и фольклорные произведения, и авторские мелодии. То есть, и в музыке мы

придерживались гармоничного сочетания народных элементов и современных тенденций. Это как шаг вперед, в будущее: сохранение традиций национального танца, корней, и в то же время – развитие. Это понимание того, как танцы должны смотреться в наше время: мы их приукрасили, расширили, обновили и подали зрителю в таком виде. Именно поэтому программа интересна и любима».

Авторы программы воспевают молодость и красоту, что дается человеку единожды. В постановках женские образы предстают в своем многообразии: от нежности и грусти, до безудержного торжества. А мужские – это бесстрашные джигиты, словно кони, летящие по степи. И в каждом танце – кусочки богатой казахской культуры с ее неудержимостью, порывом и непреодолимой жаждой жизни. Эти порывы и чувства, выраженные в хореографии, оказались близки грузинскому зрителю, и гастроли театра «Астана Балет» в Тбилиси увенчались заслуженным успехом.

ПРЕМЬЕРА В ТЕАТРЕ ИМ. ГРИБОЕДОВА

«Дядя Ваня» А. Чехова

Режиссер – Ника Чикваидзе

Соня – Нина Калатоци, Дядя Ваня – Михаил Арджеванидзе

Праздничная иллюминация на проспекте Руставели в Тбилиси

Фото: Давид Табгари